ОГОНЁК

№ 46 НОЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

М. Рыльский:
НАРОД ЕДЕТ НА ДЕКАДУ

О. Гончар:
ДНЕПРОВСКИЙ ВЕТЕР. Рассказ.

ДВА МИЛЛИОНА ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1743)

13 НОЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Сталинградскую ГЭС — на полную мощность на год раньше срока!

Такое обязательство принял коллектив строителей. Днем и ночью идут работы на стройке.

Фото А. Горячева.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ
7 НОЯБРЯ 1960 ГОДА

СОВЕТСКИЙ НАРОД ТО

РЖЕСТВЕННО ОТМЕТИЛ ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, руководители и члены партийно-правительственных делегаций социалистических стран и делегаций братских коммунистических и рабочих партий на трибуне Мавзолея.

На снимках слева:

Демонстрации трудящихся в Москве, Ленинграде, Киеве. В станице Динской, Пластуновского района, Краснодарского края. Большой трудовой победой встретили светлый праздник Октября труженики полей Советской России. 1 миллиард 801 миллион пудов зерна засыпано в закрома Родины.

→ **Проходят подразделения ракетных войск.**

На трибунах — гости...

↓

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, Н. Карасева, Н. Козловского и Е. Шулепова.

ЗА ТОРЖЕСТВО МИРА НА ЗЕМЛЕ

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Гражданская война...

Эти слова воскрешают в памяти дни небывалого героизма и самоотверженности рабочих и крестьян России, взявших в руки оружие, чтобы отстоять завоевания Великого Октября.

Эти слова воскрешают в памяти невообразимые картины кровопролитных боев, разорения и голода.

В огне пылали дворцы и хижины. Остановились заводы и фабрики. Не было угля, не было хлеба... На разбитых полустанках у фронтовых вагонов сновали голодные дети с почерневшими лицами и просящими впалыми глазами.

Трудно вообразить, а тем более описать это бескрайнее народное горе.

Интервенты и белогвардейцы навязали нам суровую и тяжелую войну. Но они просчитались в своих расчетах задушить молодую Советскую республику.

Партия большевиков, руководимая В. И. Лениным, подняла на священную борьбу за власть Советов тысячи сознательных рабочих и крестьян. Советские люди, взявшие в руки оружие, стояли насмерть, чтобы отстоять свою свободу и независимость.

Отряды молодой Красной Армии наголову разбили полчища американских, английских, французских, японских и других интервентов, а также многочисленные полки хваленых атаманов и генералов.

Прочь были изгнаны с нашей земли вооруженные до зубов интервенты.

Ничто не устояло перед яростью народного гнева, ибо, как говорил Владимир Ильич Ленин, нельзя покорить народ, получивший свободу и независимость.

И вот минуло сорок лет. Страна наша уверенно идет по ленинскому пути к сверкающим вершинам коммунизма.

Теперь людям труда нужен мир, и только мир. Советский Союз, весь социалистический лагерь сегодня — великая, несокрушимая сила. Братские страны социализма прочно связаны между собой высокими, коммунистическими идеалами.

И, тем не менее, в лагере империализма находятся безумцы, которые не дают себе отчета в том, что мы живем в атомную эпоху. Они повседневно строят все новые и новые козни, пытаясь держать мир в напряжении, на грани войны.

Глава Советского правительства Никита Сергеевич Хрущев с предельной четкостью изложил на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН нашу программу разоружения.

«Прочный мир на земле может быть установлен только тогда, когда будет выброшено оружие»,— заявил он в Нью-Йоркском порту по прибытии на сессию.

Советский народ кровно заинтересован в мире, который ему нужен для еще более успешного осуществления грандиозных созидательных планов.

Мы хотим мирно трудиться, чтобы приблизить светлый час торжества коммунизма.

И если кто-нибудь посягнет на наш мирный труд, его неизбежно постигнет участь всех тех интервентов, которые зарились на нашу землю в годы гражданской войны, участь гитлеровцев, вероломно напавших на нашу Родину в 1941 году и получивших по заслугам.

Пусть помнят об уроках этих войн ретивые вояки за океаном!

Мы уверены в своих силах и в своей непоколебимой правоте и непобедимости.

4 ноября 1960 года.

Справа налево: К. Е. Ворошилов, М. В. Фрунзе, С. М. Буденный под Конотопом в 1920 году.

Фото П. Оцупа.

Части Красной Армии входят в Царицын 3 января 1920 года.

На первомайском параде 1919 года в Москве. Трофейный танк, захваченный в боях с белогвардейцами и интервентами.

МОЛОДОЙ ПОЛ

Н. КОНДРАТЬЕВ

21 год было Ивану Федько, когда в октябре 1918 года делегаты 2-го Чрезвычайного съезда Советов Северо-Кавказской республики выдвинули его главнокомандующим войсками Северного Кавказа. Это было тяжелое, грозное время.

Сформированная из боевых частей Северного Кавказа, XI армия в середине января 1919 года, отражая непрерывные атаки неприятеля, вынуждена была отходить на Астрахань через гибельные, голые пески. Победившие смерть герои небывалого перехода принесли в Астрахань несколько тысяч винтовок и 300 пулеметов, на руках вытащили 100 орудий.

Еще в походе Ивана Федько свалил тиф.

Как только к Федько вернулись силы, он направился к Сергею Мироновичу Кирову, возглавлявшему оборону Астраханского края. Киров, увидев бледного, остроскулого Федько, сказал улыбаясь:

— Слышал, слышал о вас много хорошего, воскресший из мертвых. Рад с вами познакомиться.

Узнав о том, что после расформирования частей XI армии прикованный к койке Федько остался без должности, Сергей Миронович предложил:

— Поезжайте в Москву. Я напишу письмо Владимиру Ильичу. Расскажите ему о переходе армии в Астрахань.

Внимательно посмотрев в глаза Кирову, Федько тихо сказал:

— Ленин занят большими, неотложными делами. Примет ли он меня?

— Непременно примет.

...Все получилось не так, как предполагал он. Ленин встал из-за стола, вышел навстречу, первым протянул руку, сказал просто, радушно:

— Присаживайтесь, товарищ Федько. Спасибо вам за присланный хлеб. Очень нуждаемся в хлебе насущном.

— На Кубани много хлеба, да вот не могли удержать,— виновато сказал Федько.— Пришлось отступать.

— Знаю, знаю. Мы понесли большие потери на Северном Кав-

В ОДНУ БЛАГОДАРНОСТЬ СЛИВАЕМ СЛОВА
ТЕБЕ,
КРАСНОЗВЕЗДНАЯ ЛАВА.
ВО ВЕКИ ВЕКОВ, ТОВАРИЩИ,
ВАМ —
СЛАВА, СЛАВА, СЛАВА!

КОВОДЕЦ МОЛОДОЙ СТРАНЫ

казе и в Астраханской пустыне,— с глубокой болью произнес Ильич.— Вы свидетель и активнейший участник событий. Расскажите, товарищ Федько, как относится трудовое казачество к Советской власти. Поделитесь своими наблюдениями.

Ленин слушал внимательно, делал торопливые заметки на листке бумаги.

Беседу прервал телефонный звонок. Ленин поднял трубку, послушал, посмотрел на часы, сказал кому-то:

— Не задержусь. Через пять минут выхожу.

Бережно положил трубку, собрал лежавшие на столе бумаги и улыбнулся:

— Заговорились мы с вами. Благодарю за весьма полезные сведения и советы... Да, о главном-то я и позабыл спросить: как вы себя чувствуете после болезни?

— Здоров. Прошу направить на фронт.

— Об этом и Киров просит. Товарищ Склянский подберет для вас подходящее дело. Я ему позвоню...

В первых числах мая Иван Федько был назначен членом Революционного военного совета Крымской армии.

В июне, когда в Крым ворвались англо-французские оккупанты и белогвардейцы, воинские части Крымского направления были сведены в 58-ю стрелковую дивизию, начдивом которой стал Иван Федько.

Днем 14 августа 1919 года правая рука Махно — атаман Щусь со своими головорезами приехал на станцию Николаев, где располагался штаб 58-й дивизии, и организовал митинг. Узнав о митинге, начдив Федько вместе с верными боевыми друзьями Алексеем Мокроусовым, Семеном Лепетенко и Иваном Подвойским поехал на станцию. Неожиданно автомобиль был задержан махновцами. Бандиты арестовали Федько, привезли к бронепоезду «Память Урицкого» и поставили на пушечную башню.

Атаман Щусь, обращаясь к огромной толпе, стал говорить о том, что Федько продал дивизию Деникину за десять миллионов и его нужно расстрелять.

Бойцы закричали:

— Слово Федько! Пусть скажет о своей измене!

Иван Федько поднял руку. По толпе прокатился тревожный ропот:

— Федько не продался! Он наш...

— Тише, пусть оправдается.

Наступила тишина. Федько, не скрывая тяжелой правды, рассказал о бедственном положении, в котором оказалась дивизия.

Махновские агитаторы пытались криками и угрозами сорвать спокойную, мужественную речь начдива. Федько, бесстрашно глядя в лицо побагровевшему от ярости Щусю, рассказал собравшимся о черной измене командира повстанческой армии Махно, оголившего фронт и открывшего ворота на Киев белогвардейским и петлюровским бандам.

На площадку бронепоезда вскарабкался Щусь и, горланя, потребовал от имени батьки Махно, чтобы полки отказались от похода на север и примкнули к могучей повстанческой армии. Протянув руку к Федько, атаман выкрикнул:

— А этого предателя матки Украины арестуйте и передайте в штаб Махно. Будем судить его именем революции.

Федько шепнул стоявшему рядом с ним командиру бригады бронепоездов Семену Лепетенко:

— Поднимай в ружье батальон связи и веди сюда.

После Щуся выступил большевик Алексей Мокроусов.

Почувствовав угрозу поражения, махновцы зашумели, двинулись к Федько. В это время Семен Лепетенко и начальник батальона связи Владимир Левенсон привели роту связистов и бойцов, ремонтировавших бронепоезд. Послышался характерный, суровый стук пулеметных катков.

Бандиты бросились врассыпную.

Федько приказал всем командирам частей через час явиться в штаб для получения боевых приказаний.

Установив связь с прославленной 45-й стрелковой дивизией Якира, начдив Федько объединил кавалерийские отряды Урсулова и Тарана.

Шли вперед, не зная, где найдут своих, не представляя, какими силами располагает противник. Шли, громя части Петлюры, банды Тютюника и Ангела.

12 октября 1919 года начдив Федько повел полки на Киев. Вскоре столица Украины была освобождена!

Героический рейд 45-й и 58-й стрелковых дивизий по территории, занятой противником, получил высокую оценку Советского правительства. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны в заседании от 1 октября 1919 года постановил:

«1. Наградить славные 45 и 58 дивизии за геройский переход на соединение с частями XII армии почетными знаменами революции.

2. Выдать всей группе за этот переход как комсоставу, так и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания.

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны
В. Ульянов (Ленин)».

Герой-артиллерист

В феврале 1958 года в журнале «Огонек» была напечатана заметка «Подвиг генерала Станкевича», в которой рассказывалось о героическом подвиге генерала в годы гражданской войны на Южном фронте и о том, что, по решению Советского правительства, его похоронили у Кремлевской стены в одной могиле с молодым красным командиром Марком Мокряком. Автор справедливо сожалел, что имя товарища Мокряка не занесено на мраморную доску братской могилы.

Кто же такой Мокряк?

11 ноября 1919 года газета «Правда» писала: «...товарищ СТАНКЕВИЧ, попав в плен неприятеля, был зверски казнен белогвардейцами на Орловском фронте за его преданность Рабоче-крестьянскому делу, а тов. МОКРЯК убит тяжелым орудийным снарядом неприятеля 26-го октября, когда он в первой линии бойцов на реке Усож в Севском районе командовал своей батареей, захватившей у противника четыре бронепоезда. Тов. МОКРЯК за целый ряд боев был представлен к ордену «Красное Знамя».

Это, кажется, все, что когда-либо было напечатано о Мокряке. А с именем командира артиллерийской батареи связана одна из славных страниц героической борьбы молодой Красной Армии против белой армии на Южном фронте — самом тяжелом фронте Советской республики.

В январе 1919 года петлюровские бандиты ворвались в Новоукраинку и зверски расправились с революционно настроенным населением. В ответ на это злодеяние сотни местных батраков и рабочих записались в партизанский отряд, который затем был преобразован в Новоукраинский батальон. В организации отряда большую роль сыграл Мокряк, ставший отличным артиллеристом еще в годы мировой войны.

После разгрома петлюровцев Новоукраинский батальон был направлен в район Полтавы против нового врага — Деникина. В каждом бою Мокряк проявлял свое умение виртуозно использовать артиллерию, блестящую находчивость и большое самообладание. Под Зеньковом при передвижении батарея находилась в заболоченном месте в тот момент, когда в нескольких стах метров появилась казачья лава. С орудий, завязших колесами и лафетами в болоте, Мокряк открыл картечный огонь, и белые были сметены. Под Опошней батарея, которая всегда выручала свою пехоту, сама попала, казалось, в безвыходное положение. Но Мокряк нашелся. Используя направление ветра, он поджег копны с хлебом на нескольких гектарах. Огонь и дым помешали наступлению противника, обстановка изменилась, и красноармейцы пошли в наступление.

Белые знали о силе Мокряка и его популярности на фронте, они назначили крупную сумму денег за его голову.

Подвиги Мокряка и его батареи вдохновляли дивизию, слава об артиллеристе шла и на других фронтах.

Реввоенсовет наградил Мокряка именными золотыми часами.

А. ПОПОВКИН

Марк Исаевич Мокряк. 1910 год.

Навстречу пленуму ЦК КПСС

О. КУПРИН

Фото А. Гостева.

АДРЕС СОВХОЗА «МЫТИЩИ»

«Кукурузный герой» Анатолий Пичугин.

Прежде всего меня смутила одна деталь. В московской областной газете «Ленинское знамя» я прочел сообщение об итогах социалистического соревнования работников сельского хозяйства за девять месяцев. Были указаны передовые колхозы и совхозы, лучшие доярки, телятницы, пастухи, свиноводы, птичницы. И после каждого названия или фамилии стоял адрес: такой-то район Московской области. Только совхоз «Мытищи», занявший первое место по сдаче мяса, оказался в некотором смысле «беспризорным», без адреса...

Мне захотелось поехать туда и рассказать, как готовятся в этом хозяйстве встретить декабрьский Пленум ЦК КПСС, а заодно назвать точный адрес передового совхоза.

Но оказалось, что в Московской области нет такого совхоза — «Мытищи». Когда я спросил у секретаря партийной организации совхоза Анастасии Ивановны Тарасовой, на территории какого района я с ней разговариваю, она ответила:

— На территории Дзержинского.

— Простите, но такого района в Московской области, кажется, нет.

— Зато есть в Москве.

Да, теперь адрес совхоза «Мытищи» стал такой: Большая Москва, Дзержинский район.

Метрах в четырехстах от конторы, в которой мы беседовали, пройдет МКАД — Московская кольцевая автомобильная дорога,— а значит, и граница Москвы. Дорога пока еще только строится, а граница уже пролегла. Она как раз проходит по совхозным владениям. Так что в газете все верно. И то, что совхоз за девять месяцев сдал государству 1 768 тонн мяса (104 процента годового плана), и то, что среднесуточный привес свиней на откорме составил 448 граммов вместо запланированных 420.

В газете не было сказано, что работники совхоза к пленуму ЦК КПСС решили сдать еще тысячу тонн мяса. Но всему свое время. Напишут. Но на этот раз, наверное, уже не в областной, а в московской городской газете.

Итак, окраина столицы... По совхозной улице движется какая-то машина. Сначала трудно разобрать, что это такое. Чудится, будто по улице бежит... облако. Это корморазвозчик. Он везет обед в свинарник. Обед только что сварили, он очень горячий, а потому машина окутана клубами пара. Мне сказали, что скоро корморазвозчики отживут свое. Обед будет доставляться в свинарники по трубам прямо с кухни.

...На кормовой кухне горячая пора. Здесь хозяйничает Анастасия Ивановна Марухина. Она нажимает на какие-то кнопки, снизу поднимаются ковши, проползают мимо нас вверх и опрокидываются в бункера. Потом Анастасия Ивановна распределяет содержимое бункеров по котлам. Ее должность называется очень прозаично — повар. Но иной повар за год не приготовит такого количества обедов, сколько она варит за смену,— 50 тонн.

— А ежедневно мы готовим 150—160 тонн горячей пищи,— говорит мне «шеф-повар» этого предприятия Семен Иванович Гулин.— Обед варим в основном из двух продуктов: концентратов и пищевых отходов, которые нам привозят из Москвы.

— Значит, неплохо снабжают вас москвичи?

— Неплохо. Но нам нужно еще больше. Поголовье-то растет. А иной раз привезут такое, что зло берет.

— Что же именно?

— Да вот несколько месяцев назад с одного московского завода прислали 30 тонн сыра. Не знаю, кто уж и как его попортил. Обидно. А то еще доставят целую машину негодного творога. Привозили селедку. Знаете, такая, без голов. Ну разве это дело?.. Свиньи едят, конечно, с удовольствием, в весе прибавляют. Только нам такой «помощи» не надо. И обязательства свои мы выполним без сыра, творога и селедки.

Верно, выполнят. Руководителям некоторых предприятий, видно, стоило бы поучиться хозяйствовать у рабочих совхоза «Мытищи». Им бы рассказали, какая хорошая в этом году уродилась кукуруза, что силоса заложили в 10—12 раз больше, чем в прошлом году. А в будущем дела пойдут еще лучше, потому что к 1961 году в совхозе готовятся уже сейчас.

...Анатолия Пичугина, скромного девятнадцатилетнего парнишку, кто-то в шутку назвал «кукурузным героем». Дали ему участок — 90 гектаров — под кукурузу. По московским масштабам это довольно много, почти 10 процентов пахотной земли совхоза. Сам сеял, сам обрабатывал, сам собирал богатый урожай. Присвоили ему звание ударника коммунистического труда.

Я познакомился с ним в механической мастерской, он ремонтировал свой трактор. Спросил его о планах на будущее.

— Наверное, скоро меня призовут в армию,— говорил Анатолий.— Тороплюсь с ремонтом. К пленуму ЦК моя машина будет в готовности. Хоть в декабре — на сев.

А в свинарниках продолжался обед. Когда в начале длинного коридора показалась окутанная паром вагонетка с едой, шумные обитатели этого длинного дома поднялись и направились к кормушкам, подняв такой крик, что я уже не слышал слов свинарки Татьяны Засыпаловой. Через несколько минут крики и визг сменились громким чавканьем. И я услышал весьма лаконичный рассказ о лучшей бригаде свинарок. «Ничего особенного... Работаем, как все... К пленуму ЦК решили сдать еще 1 800 голов».

Девчата в бригаде очень дружные. И дело не только в том, что вместе отмечают дни рождения, празднуют новоселья и помогают, если с кем-то случится беда. Есть в их характерах черточка, которую можно назвать очень красивыми словами. Но они не любят красивых слов, и я не стану к ним прибегать. А черточка характера — вот она. Не так давно это было. Закладывали силос. Девчата работают посменно, а тут вдруг в воскресенье, да еще в пять часов утра, пришли в свинарники все до единой. До 8 часов провели полную уборку, накормили своих питомцев и в полном составе отправились на воскресник закладывать силос. «Ничего особенного... Работаем, как все...» — так они говорили об этом.

Пожалуй, самое трудоемкое дело здесь — взвешивание, как говорят свинарки,— «перевеска». Каждый месяц все группы свиней нужно взвешивать, чтобы определить, на сколько они поправились за месяц. Одной работнице с такой операцией не справиться. На помощь приходят подруги.

Свиньи неохотно покидают свое теплое жилище, сбиваются в кучу на снегу и уж никак не хотят лезть на весы.

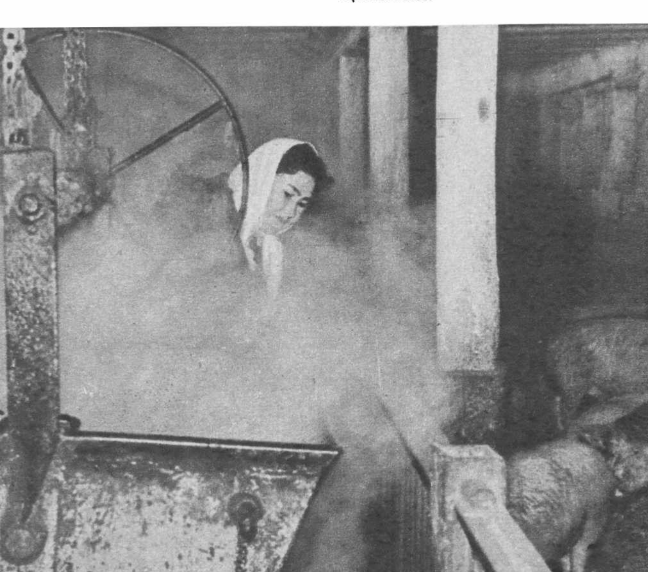
— А ну, гуляй, курносые! — подбадривают их задорные голоса.

Свиньи, наконец, расталкивая друг друга, гурьбой, вчетвером-впятером. лезут на весы и замирают, словно почувствовав всю важность момента. В тетради учетчицы растет столбик цифр. Привес, кажется, неплохой. Наконец, вся группа взвешена. На снегу понуро стоит лишь одна свинья. Последняя. И тут разгорается спор: сколько она весит? Мнения разделились: «140», «Нет, 130», «Больше. 150 потянет».

«Спорную чушку» загоняют на весы. Взвешивают с особым тщанием. Оказывается, 153 килограмма. Молодец, свинюшка!

Так идет жизнь в этом совхозе на окраине Москвы. Наверно, скоро его будут называть по-городскому — фабрикой мяса. Название вполне подходящее.

Свинарка Татьяна Засыпалова в роли официантки.



Из „Строк любви"

Степан ЩИПАЧЕВ

МАЛИКА

Пушок на губе — небольшая примета.
Но есть на губе и родинка. Очень
Нравится многим родинка эта —
Забытое пятнышко ночи.

Живет Малика̀, где жара не стынет,
Где вечера на прохладу скупы,
И стали, наверно, как зной пустыни,
Ее в поцелуях губы.

Она, как земля, истомится в зное,
Пока в любви дика и наивна,
Пока не придет оно, счастье земное,
Грозой, утоляющим ливнем.

* * *

Если меж тобою и любимой
Вдруг пустыни лягут, от тоски
Ты — в вагон. И мимо, мимо
Замелькают мертвые пески.

Если встанут горы между вами —
Пусть Памир, пусть голубой
Тянь-Шань,—
Ты с веселыми словами
Прилетишь к ней в утреннюю рань.

Если ж рознит вас на белом свете
Поздний возраст твой,—
Взрывая тишь,
На какой, скажи, ракете
Ты снега его перелетишь?

Любуясь тобой

Из стихов о Чехословакии

Наби ХАЗРИ (БАБАЕВ)

Добрая, певучая земля!
Я и знать не знал
до нашей встречи,
что не только рощи и поля —
камни
обладают даром речи.

Каждый омуток запоминая,
небо,
что пред нами пало ниц,
я бродил под ивами Дуная,
вспугивал влюбленных я
и птиц.
А потом, в предчувствии утраты,
стоя на прощальном ветерке,
любовался, как синеют Татры,
песней замирая вдалеке.

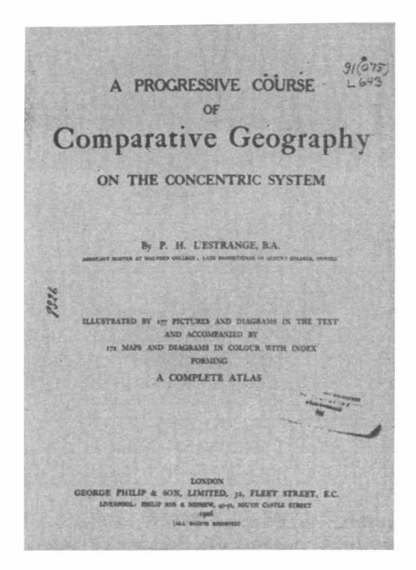
Сколько песен
в том краю гористом —
сроду не слыхал в иных местах!..
Это ведь недаром говорится:
здесь родятся
с песней на устах.
Песня в час заката,
в час восхода —
ото всех напастей талисман.
Как привет от братского народа,
я ее привез в Азербайджан.

Перевел с азербайджанского
Евг. Елисеев.

ПРО УЧЕБНИК МИСТЕРА МАКМИЛЛАНА

На титульном листе, уже пожелтевшем от времени, значится:

«Прогрессивный курс Сравнительной Географии, построенный по концентрической системе».


A PROGRESSIVE COURSE OF Comparative Geography

ON THE CONCENTRIC SYSTEM

By P. H. L'ESTRANGE, B.A.

ILLUSTRATED BY 177 PICTURES AND DIAGRAMS IN THE TEXT AND ACCOMPANIED BY 172 MAPS AND DIAGRAMS IN COLOUR WITH INDEX FORMING A COMPLETE ATLAS

LONDON
GEORGE PHILIP & SON, LIMITED, 32, FLEET STREET, E.C.
LIVERPOOL: PHILIP SON & NEPHEW, 45-51, SOUTH CASTLE STREET
1906

Это длинное название книги, которую мы разыскали в фондах одной из московских библиотек, было дано обычному английскому учебнику географии. Немногим более полстолетия назад, в 1906 году, лондонская типография «Джордж Филип и сын» набрала его, напечатала, нарядила в зеленый коленкоровый переплет и выпустила в свет. Из этого учебника мы и взяли карту, которую вы видите на этой странице.

Полстолетия — много это или мало? Полстолетия назад автомобиль еще считался почти чудом техники, о полетах в космос мечтали лишь фантасты, а на картах земного шара Северный и Южный полюсы окрашивались в белый цвет—цвет недоступности. Но полстолетия назад в мире уже звучали могучие и волнующие слова: «социализм», «революция».

И еще: в 1906 году нынешнему премьер-министру Великобритании Гарольду Макмиллану шел тринадцатый год. Он был школьником, одним из тех, для кого предназначался «Прогрессивный курс Сравнительной Географии».

Со страниц учебника мир представлялся английскому школьнику так: главное место на земном шаре занимала Англия. Англия была центром обширных имперских владений, раскинувшихся на всех континентах, для которых, по утверждению учебника, она была «матерью». Всякие изменения в мире могли происходить лишь так, как это было показано на исторической карте Британской империи. На ней в различные цвета были окрашены «британские владения, приобретенные между 1713—1815 годами», «между 1815—1884» и «с 1884 года». После 1884 года не стояло никакой даты — процесс «приобретения» (читай: установления английского порядка в мире) продолжался.

Пораженная лишаем колониализма, эта карта должна была внушать школьнику благоговейное уважение к «строителям империи». Учебник расписывал «прочные связи» между различными частями империи и славословил британский флот, стоящий на страже владений Великобритании.

«Романтика» приобретения колоний описывалась в учебнике скупо, но выразительно и с должным почтением к «приобретателям». «Основанная в 1882 году, «Ройал Нигер компани» была подлинно тем средством, которое спасло этот район (Нигерию) для Британии»,— читали школьники. «Сто лет «Ост-Индиа компани» развивала страну и управляла ею»,— говорилось в главе об Индии. Учебник не скупился на описания богатств империи: золота Южной Африки и Австралии, кофейных плантаций Уганды, ценных пород дерева индийских джунглей, сахара Вест-Индских островов. Не были забыты даже страусовые перья.

Составители учебника заглядывали и в будущее, готовя к нему английских школьников. Они внушали: «Высокие плато Британской Восточной Африки представляются подходящими для европейцев, что является редким исключением в тропической Африке; и, таким образом, эта страна может в конце концов иметь огромную ценность».

Описывая строительство железных дорог в Индии, учебник на первое место ставил их стратегическое значение: «Войска из Великобритании могут быть доставлены в Карачи в течение двух недель и быстро отправлены оттуда по железной дороге к северной границе».

Вот таким и представал мир перед английским школьником — открытый для деятельности колонизаторов, осененный английским штыком, готовый отдать свои богатства Лондону. На этом представлении о мире воспитывались тысячи и тысячи англичан, которые потом становились служащими колониальных компаний, солдатами колониальных войск, министрами английского правительства и иногда... премьер-министрами. Для них всех находилось место в этом мире. Не было лишь места в нем для миллионов колониальных народов. Они должны были молчать, работая на колониальные компании, молчать, умирая от голода и болезней, и не портить величественную картину мощи и богатства Британии. И учебник ограничивался всего несколькими словами о тех, кому на самом деле принадлежали земли, именовавшиеся «британскими владениями».

События огромной важности произошли с тех пор, как появился на свет «Прогрессивный курс Сравнительной Географии». Мир, описанный в нем, сохранился лишь до 1917 года. Социалистическая революция в России поставила порядок, созданный в мире колонизаторами, на грань катастрофы. За крушением империализма в России поднялась могучая волна национально - освободительного движения в колониальных заповедниках западных держав. И это движение набирало мощь с каждым днем.

История стерла с карты земного шара краску, которой английские империалисты в свое время залили Индию, Египет, Гану и другие страны, свободные ныне. В Англии уже не издают карт, на которых значились бы слова: «Британская империя». Остатки ее переименованы в «Содружество наций». После второй мировой войны мир отпраздновал вступление на путь независимости многих государств, для которых раньше имелось одно общее презрительное название: «колония». Лишь в 1960 году в Африке возникло 16 новых независимых стран — бывших колоний.

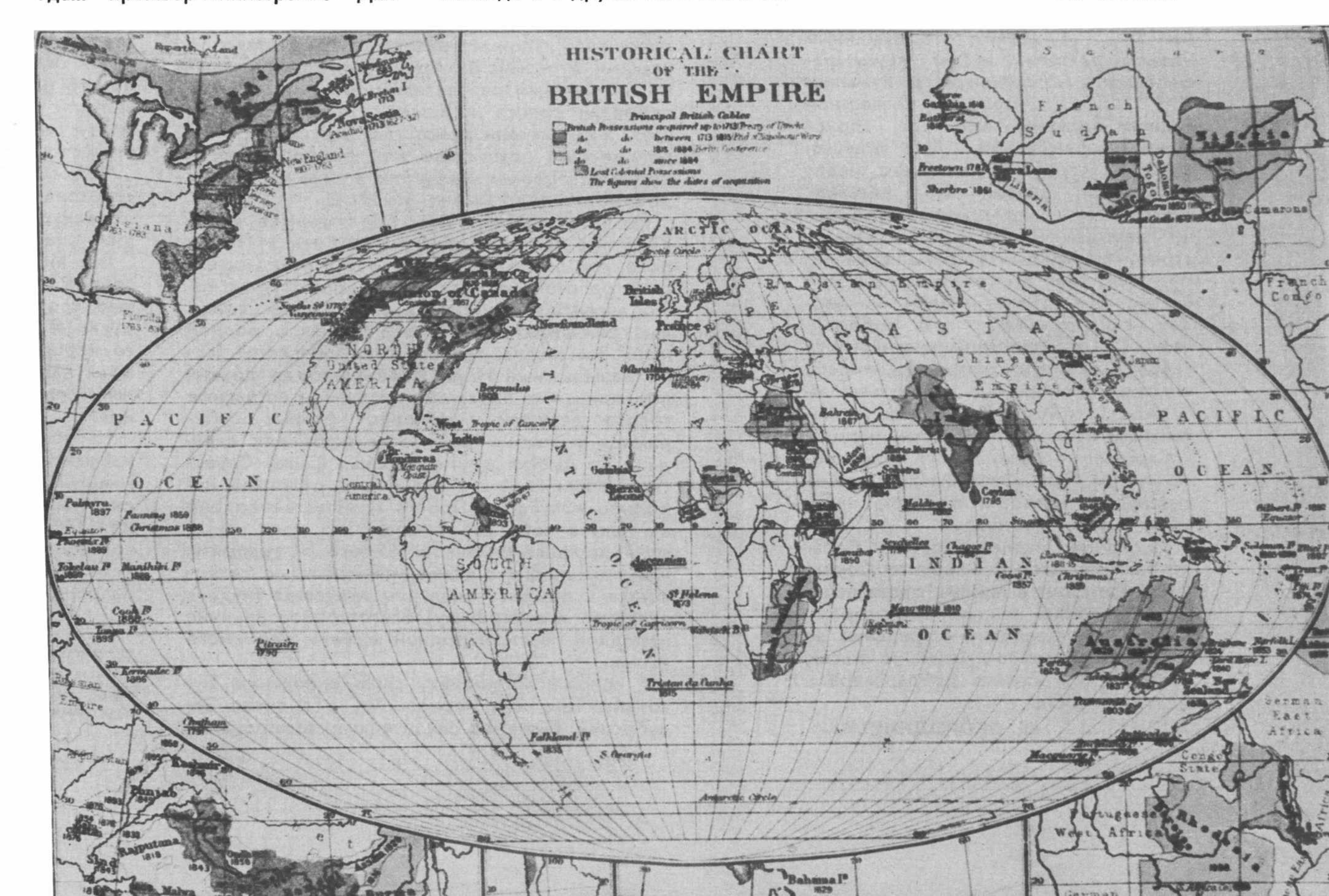
Но, к сожалению, еще не совсем устарела карта из английского учебника в зеленом переплете! Еще остаются колониями «Британская» Гвиана в Южной Америке и Кения в Африке, еще хозяйничают колонизаторы в Родезии, в Сьерра-Леоне, в Бечуаналенде и в других больших и малых странах и территориях. Колониализм не умер, не умер тот дух, который насаждался пособиями типа «Прогрессивный курс Сравнительной Географии». Те, кто был воспитан в этом духе, всеми силами стараются обелить колониализм, хоть ненадолго продлить его жизнь.

Премьер-министр Великобритании называет «Содружество наций» «свободным союзом», хотя еще 80 миллионов людей держат в этом союзе силой штыка и плети. Представитель Великобритании мистер Ормсби-Гор призывает в ООН отдать должное «ответственным и конструктивным аспектам деятельности» колониальных держав, которые десятилетиями душили народы колоний.

Колонизаторы боятся: они чувствуют конец своего владычества и в оставшихся владениях. На XV сессии Генеральной Ассамблеи Советский Союз — страна социализма — предложил принять Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Верный ленинской политике, Советский Союз твердо стоит на стороне тех, кто борется за свободу и независимость. Единодушная поддержка этого предложения борющимися народами колоний — это новое поражение колонизаторов.

...В старом английском учебнике географии, по которому когда-то занимался нынешний премьер-министр Великобритании, школьникам предлагалось в качестве упражнений выписывать даты приобретения колоний. Времена таких учебников прошли. Школьники новых независимых стран выписывают в свои тетради иные даты: даты, когда их страны сбросили цепи колониального рабства, стали свободными. И недалек тот год, когда на карте земного шара не останется ни одной колонии, когда в мире не будет ни одного порабощенного колониализмом народа!

А. СЕРБИН



Михаил Садовяну.

НАШ БОЛЬШОЙ ДРУГ

Михаила Садовяну, замечательного мастера слова, крупнейшего писателя и общественного деятеля Румынской Народной Республики, знают далеко за пределами его родины. В Советском Союзе, в Индии, Китае и других странах читаются его книги. Они переведены на пятнадцать языков мира. Более полустолетия творческой деятельности, более ста названий книг — вот итог восьмидесятилетней жизни писателя. Жизнь и творчество Садовяну неразрывно связаны с жизнью и борьбой румынского народа.

Первые книги писателя, вышедшие в самом начале века, рассказывали о жизни обездоленного человека. Недаром они носят такие названия, как «Увядший цветок», «Глухие страдания». Но в рассказах и повестях Садовяну звучит протест бесправного, затравленного человека. Садовяну рисует в своих произведениях образы удалых гайдуков — народных мстителей. Книги Садовяну, его гуманные идеалы пришлись не по вкусу фашистским молодчикам в Румынии 30-х годов. Экземпляр известной повести писателя «Секира», изрубленный фашистами, был прислан автору с угрозой, что и его ждет такая же участь. Но писатель всегда верил, что правда на стороне народа. После освобождения страны от фашизма румынский народ приступил к строительству новой жизни, и Садовяну — один из первых, кто решительно стал поборником народно-демократического строя. В 1949 году появилась повесть «Митря Кокор» — о крестьянине-бедняке, который становится сознательным борцом за счастье народа.

Садовяну — давний друг советского народа. Он не раз бывал в нашей стране, ей посвятил он свою книгу «Свет идет с Востока».

Много сил отдает Садовяну борьбе за мир. Член Всемирного Совета Мира, он стоит в первых рядах великого движения сторонников мира.

80-летие Садовяну — праздник не только румынского народа, но и всех, кому дороги идеалы добра, мира и справедливости.

И. ОГОРОДНИКОВА

НАРОД ЕДЕТ НА ДЕКАДУ

Максим РЫЛЬСКИЙ

Несколько месяцев тому назад я с группой товарищей ездил по Житомирской области. Мы побывали во многих городах и селах, в том числе и в Новоград-Волынске, где родилась Леся Украинка, где протекли ее детские годы и где жители благоговейно чтят память великой своей землячки. Нам посчастливилось быть на концерте местного самодеятельного ансамбля песни и пляски, именно посчастливилось. Иначе как счастьем не назовешь то ощущение молодости, свежести, вдохновения, которым повеяло на нас со сцены. Оттуда неслись прелестные украинские песни в уверенном, пылком и вместе с тем изящно-сдержанном исполнении, там взвивался и сверкал вихрь то задорно-веселого, то нежно-томительного украинского танца.

На концерте исполнялись произведения известных композиторов — дооктябрьских и современных — и народные мелодии. Никакого, конечно, противоречия и разлада между «профессиональной» и народной музыкой не чувствовалось. Все это было в подлинном смысле слова народное, и все стояло на очень высоком эстетическом уровне.

Так бывает, разумеется, не всюду. Приходилось мне слышать выступления самодеятельности, когда люди, не имеющие, по-видимому, хорошего художественного руководителя, с самыми лучшими намерениями, но с довольно плачевными результатами механически копировали голоса и манеру известных артистов, которых они знают главным образом по патефонным пластинкам или же по радиопередачам. Причем копировали они не всегда достойные подражания образцы.

Но на концерте в Новоград-Волынске, как и в других местах Житомирщины, как в Тернополе, где летом прошлого года я познакомился с работой изумительного «Надзбручанского» ансамбля народной музыки (художественный руководитель — В. Зуляк), как в родной моей Романовке, где записывал когда-то песни незабвенный Н. В. Лысенко и где до сих пор приезжих поражают звонкие и согласные голоса девушек и женщин, которые собираются в тесный кружок и поют для себя, да и во многих других уголках нашей Советской Украины меня пленяло и радовало народное искусство. Просто и естественно оно впитало в себя все лучшее, что дает искусство профессиональное. Нечего и говорить, что в наши дни с особенной яркостью сказывается в профессиональном искусстве (куда я включаю и литературу) благотворное влияние народной песни, народной музыки, народного слова...

Я вспоминаю поездку свою в зеленую Буковину. Там, под Черновцами, в деревне Задубровке, были мы свидетелями трогательной встречи народного кобзаря Егора Фомича Мовчана с народной поэтессой Параской Амбросий. Незрячий бандурист, сохранивший в своей манере традиции знаменитого Остапа Вересая, а в репертуаре — старинные думы, которые он исполняет наряду с современными и даже злободневными песнями (автором некоторых из них является он сам), и приобщившаяся к «большой» литературе поэтесса-крестьянка встретились, как давние друзья, как люди, вместе делающие одно большое дело. Да так оно вправду и есть.

Эти воспоминания и мысли пришли мне на ум, когда я взялся за перо, чтобы написать заметку с таким обязывающим заголовком: **Народ едет на декаду.** На декаду украинской литературы и искусства в Москву поехали известные писатели, театры, концертные коллективы и отдельные исполнители. Художники и скульпторы показывают там новые свои работы; демонстрируются новые достижения украинской кинематографии. Поехали в Москву и самодеятельные ансамбли, не в таком, быть может, количестве, как хотелось бы. Но в целом формула мне представляется правильной: едет народ.

Ведь наши артисты оперы, балета, драмы, музыканты, композиторы, певцы, художники, скульпторы, поэты, прозаики, драматурги — плоть от плоти и кость от кости нашего трудового народа. Вместе с народом они вершат великий подвиг, осуществляя прекраснейшую мечту человечества — построение коммунистического общества.

У нас нет литературы, нет искусства для «верхов» и для «низов». Наша литература, наше искусство поистине народны в самом высшем значении этого слова.

Все ли у нас в литературе, в искусстве бесспорно и безупречно? Конечно, нет! Но основные творческие силы текут по правильному руслу. И я уверен, что выступление украинского народа во всесоюзной столице, в родной всем нам Москве, встретит не только радушный прием, но и заслуженное признание.

Не так давно я был в Киеве на выставке народного искусства и художественной промышленности УССР. Ее устроители — работники Музея украинского искусства — готовили ее для Москвы. Выставка эта потрясла меня не только замечательными образцами народной керамики, резьбы по дереву, декоративных панно, стеклянных изделий, ковров, вышивок,

«Мы с Украины!» Широкой популярностью пользуется Заслуженный ансамбль танца Украинской ССР.

гобеленов и т. п., но и видимыми ростками того нового в народном, якобы консервативном искусстве, о чем интересно говорит украинский искусствовед Б. С. Бутник-Сиверский в статье «Творения золотых рук» («Лiтературна газета», 13 сентября 1960 г.). Рассказывая о замечательном барельефе работы закарпатского крестьянина Ивана Барна, изображающем народного повстанца XVIII века Олексу Довбуша, автор статьи замечает: «Не ошибусь, если скажу, что здесь мы видим рождение украинской советской народной монументальной скульптуры в Закарпатье». Подобные новые явления отмечает Бутник-Сиверский и в круглой деревянной резьбе, и в других видах народного искусства, в работах мастеров западных областей Украины, Киева, Полтавской области и т. д. Он уверенно заявляет: «Такого произведения, как сложная композиция братьев Юрия и Мирона Амбицких «На водопой», еще не видела (вернее бы сказать, не дала. — **М. Р.**) наша профессиональная скульптура».

Может показаться странным, что я, литератор по профессии, говоря о предстоящем нашем всесоюзном творческом отчете, останавливаюсь преимущественно на народном искусстве. Но ведь я не раз уже высказывал мысль о том, что все великие писатели опирались в своем творчестве на народную сказку, народную песню, народное слово. Мысль эта, конечно, не нова. С особенной выпуклостью высказал ее на Первом съезде советских писателей Максим Горький. Тут мне хочется привести любопытный эпизод. Предоставляю слово Ивану Волошину, опубликовавшему в 8 и 9-м номерах львовского журнала «Жовтень» («Октябрь») интересную статью «Великий художник» (о народном искусстве). Вот что пишет тов. Волошин:

«Я вспоминаю одно событие, связанное с именем Максима Горького, с его деятельностью на культурном фронте еще задолго до второй мировой войны.

Алексею Максимовичу стало известно, что норвежский писатель Кнут Гамсун издевался над искусством Страны Советов.

Алексей Максимович глубоко переживал это оскорбление своей Родины и ее талантливого народа. По совету Максима Горького мастера русского села Палеха послали Кнуту Гамсуну шкатулку своей работы с картинкой на тему какой-то сказки, с народной орнаментикой и с надписью (на внутренней стороне крышки): «Кнуту Гамсуну, который утверждает, что в России нет искусства».

Я не могу дословно привести ответ норвежского писателя. Но хорошо помню то чувство гордости, которое я испытал, читая этот ответ.

Писатель Гамсун был очень смущен и вместе с тем пришел в восторг. О шкатулке он сказал, что ничего прекраснее не видел».

Народ — творец, и могущество его творчества покоряет. Это могущество становится беспредельным в нашей стране, где с каждым днем все больше стираются границы между умственным трудом и трудом физическим, между деревней и городом, между профессиональным и народным искусством.

Декада украинской литературы и искусства — не только большой праздник, но и строгий экзамен. Мы счастливы, что судят нас взыскательные, но справедливые и дружелюбные судьи — наши братья. Принято говорить, что писатели еще в долгу перед народом. Долг этот — неоплатный, но мы горды сознанием, что все, что мы делаем, — иногда еще и спотыкаясь — мы делаем во имя народа и для народа. Я уверен, что это чувство испытывают и представители всех видов творческого оружия, участвующие в декаде.

Максиму Рыльскому

Будь я художник — нашего поэта
я б написал под облаков грядой,
омытого всем пламенем рассвета,
лицом к заре, у рощи молодой!

Николай ТИХОНОВ

ДАРЫ ЩЕДРОЙ ДУШИ

Дмитро **ПРИКОРДОННЫЙ**

Фото Н. Козловского, Е. Копыта, С. Кропивницкого, А. Малкина.

Щедрые дары своей души принесли в эти дни украинцы в Москву.

Смотрите, слушайте, радуйтесь вместе с нами, дорогие друзья-москвичи.

Нам есть о чем петь и есть кому петь.

Рассказать обо всем том, что будет демонстрироваться в дни декады украинской литературы и искусства в Москве, невозможно. Это нужно видеть. Нужно побывать в Большом, Кремлевском и других театрах, во Дворцах культуры и клубах, где Украина показывает свои оперы и балеты, драматические спектакли, свои фильмы и феерические пляски, поет свои мелодичные песни. Нет сомнения — это будет очень интересное, увлекательное зрелище!

Можно смело утверждать, что и в литературу Украины, и в произведения украинских художников, композиторов, и на подмостки театров широкой поступью вошла наша героическая современность. Она является ведущей темой репертуара декады.

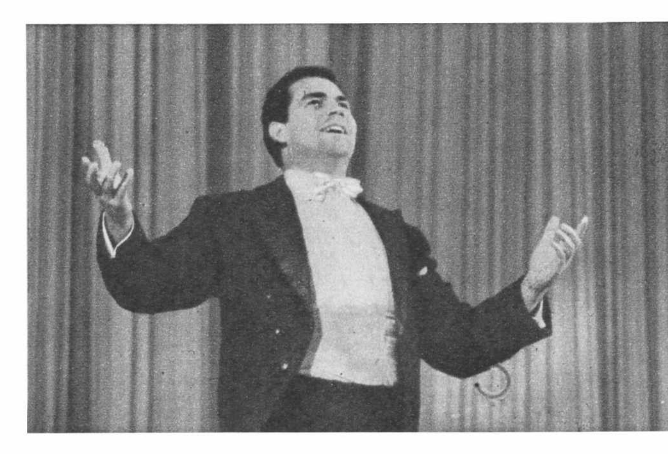
Перелистаем декадную программу, которую сегодня держат в руках москвичи, и остановимся на некоторых ее страничках.

В помещении Большого театра Киевский театр оперы и балета имени Шевченко открывает декаду оперой «Арсенал».

Не впервые встречаем мы это слово на афишах. Так были названы и замечательный фильм Александра Довженко и пьеса драматурга В. Суходольского. Зрители помнят спектакль «Арсенальцы» Д. Бедзика. На материале жизни славного завода созданы двухсерийная киноповесть «Киевлянка», фильм «Наследники». И вот опять появился «Арсенал», теперь уже как опера Георгия Майбороды. Конечно, писатели, деятели искусств будут еще и еще возвращаться к этой теме. В Киеве слово «арсеналец» звучит как символ революционной славы и героизма, беззаветного служения народу, преданности коммунизму. Ведь киевский завод «Арсенал» был революционным маяком для трудящихся Украины, их боевым ядром в борьбе против Временного буржуазного правительства, против националистической Центральной рады, за установление Советской власти.

Интересно, что в составе Киевского театра имени Шевченко — и не только в нем — немало воспитанников этого завода, пришедших на сцену через его кружки самодеятельности. Может быть, поэтому так вдохновенно и поют

Поэтично и весело написал молодой драматург учитель Н. Печенежский свою пьесу «День рождения». Ее поставил Харьковский театр имени Шевченко. О. Свистунов — почтальон, Л. Тарабаринов — Алексей.



Безрадостной была жизнь неграмотного пастуха Дмитра в порабощенной Буковине. Но соединилась она с Советской Украиной, и вот теперь Дмитро Гнатюк, солист Киевского оперного театра, весь жар своего сердца, всю страсть своей артистической души отдает родному народу. Голос его знает и любит вся Украина, да и не только Украина...

Театр имени Ивана Франко показывает на декаде пьесу Александра Корнейчука «Над Днепром» — о колхозном селе наших дней.

На снимке артист Виктор Добровольский в роли председателя передового колхоза Родиона Нечая и артистка Екатерина Литвиненко в роли Марины Демченко.

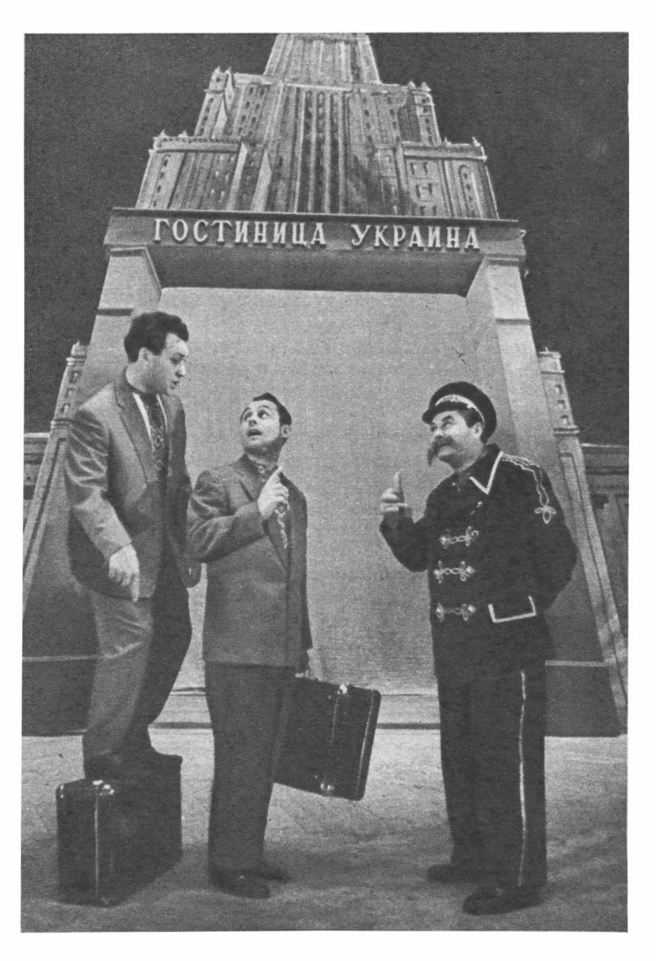
Новую пьесу Н. Зарудного «Мертвый бог» играет Винницкий музыкально-драматический театр имени М. Садовского. В. Сыроватко — Людмила, Н. Педошенко — Иван Кортун.

Пока Штепсель философствовал с высоты Тарапунькиной шеи, поезд на Москву двинулся, а вагон с артистами эстрады оказался неприцепленным. И не случайно: ведь вагон под злополучным номером... С этого «номера» и начались декадные приключения, вернее, представления киевской госэстрады.

Нет худа без добра. В дороге во время передышек кадры эстрадников пополняют строители, колхозники... Вот встретились три доярки, они замечательно поют. И их включают в состав труппы. По секрету скажем, что музыкальные доярки — это лауреаты конкурса на Всемирном фестивале молодежи артистки Э. Пилипенко, В. Пархоменко и Л. Лысаковская.

ВЕСЕЛЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ДВУХ ОТДЕЛЕНИЯХ, ИЛИ КАК ЭСТРАДУ ВЕЗЛИ НА ДЕКАДУ

Пришлось незадачливым участникам впрягаться в лямки и побурлацки тащить эстраду на декаду своим ходом. В эту веселую работу включилась наиболее сильная мужская часть труппы: артисты В. Гончаров, К. Яницкий, Е. Деменчук, П. Ретвицкий, А. Таранец.

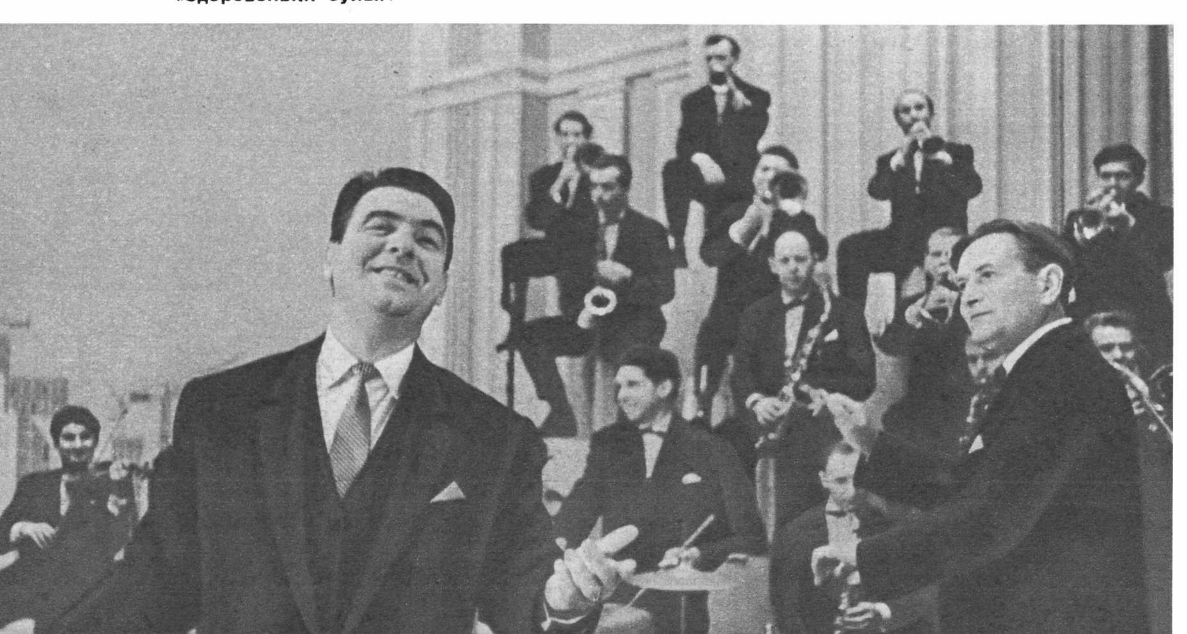


Это хорошо, но это и плохо. Число эстрадников выросло, а мест в гостиницах не прибавилось. «Вся «Украина» Украиной занята,— сообщает швейцар, замечательный артист Андрей Сова.— Остался еще только один номер, он забронирован для Тарапуньки и Штепселя». Пришлось Петру Ретвицкому и Александру Таранцу выдавать себя за Тарапуньку и Штепселя.

Путешествие окончилось благополучно. И вот уже артист Владимир Гончаров репетирует с оркестром под управлением В. Лисицы «Карії очі, чорнії брови...»

Приехали.

«Здоровеньки булы!»



артисты свою родную оперу, написанную по либретто Андрея Малышко и Александра Левады.

Переворачиваем страничку: балет В. Гомоляки «Черное золото» — тоже новое произведение. Оно создано по либретто Н. Трегубова, П. Вирского и А. Лукацкого. Балетная труппа Киевского театра имени Шевченко имеет на своем счету не один национальный спектакль. Здесь первыми поставили «Лилею», «Лесную песню», «Марусю Богуславку»... На этот раз в сферу балетного искусства, содержание которого по устарелым эстетическим традициям составляли сказки и легенды, ворвалась современность. Ворвалась стремительно, напористо. И зрители с волнением следят за событиями из жизни молодых шахтеров Донбасса, людей высоких душевных порывов, добывающих черное золото — тепло и свет для народа.

Создатели балета не пошли по легкому и упрощенному пути. Ни стука и грохота отбойных молотков, ни имитации производственных процессов мы не видим и не слышим со сцены; там молодые, красивые наши современники со своими переживаниями, любовью, ревностью, дружбой.

Постановщик спектакля Павел Вирский говорит:

— Мысль о том, что человек приходит к личному счастью через самоотверженный труд во имя интересов общества, является основным идейным содержанием представления. Вот почему мы стремились, чтобы наш балет был проникнут пафосом утверждения великой силы красоты человеческого труда и товарищества — этих незыблемых основ советского общественного строя.

Чтобы создать это массовое представление, понадобились объединенные усилия всего состава балета, хореографического училища и Заслуженного ансамбля танца Украины.

Киевский театр оперы и балета имени Шевченко существует с 1926 года. За это время он третий раз принимает участие в украинских декадах в Москве, и зрители столицы хорошо знают народных артистов Советского Союза П. Белинника, Н. Ворвулева, Б. Гмырю, М. Гришко, Е. Чавдар и многих других. В этом году, кроме уже упомянутых спектаклей, театр покажет оперы «Первая весна» — о покорителях целины, а также «Тарас Бульба», «Аскольдова могила», балет «Лесная песня».

Еще страничка... «Над Днепром» — комедия Александра Корнейчука. Первым по традиции ставит ее Киевский драматический театр имени Ивана Франко. Пьеса, как обычно у Корнейчука, злободневна, активно вторгается в жизнь, воспевает новые черты советского человека и беспощадно бичует пережитки. Здесь умный и честный Родион Нечай как бы продолжает доброе дело Саливона Чеснока, известного зрителям по пьесе «В степях Украины». Он страстно воюет против Македона Сома, последователя вредной доморощенной философии ограниченного Кондрата Галушки из той же комедии «В степях Украины», того самого Галушки, «что пристроился в социализме» и не хотел идти в коммунизм.

Поставил спектакль замечательный мастер драматического искусства Марьян Крушельницкий. Он же исполняет роль симпатичного и скромного Антона Мака. Этот на вид простодушный и скромный заведующий колхозным

Черновицкий театр имени О. Кобылянской показывает спектакль «Леся», посвященный нашим дням. Прообразом главной героини являются знатные буковинки Герои Социалистического Труда М. Мыкытей, М. Довгей, М. Кошмарык, передовая колхозница В. Подлубная. Они были и главными вдохновителями драматурга Маргариты Андриевич, работавшей во время написания пьесы в звене в одном из колхозов.

В. Зимняя — Леся, Л. Луганская — Анна.

Фото В. Карлова.

рестораном во время фашистской оккупации вел большую работу в подполье, за что удостоен звания Героя Советского Союза. Но сам Мак не считает себя героем, это ему, мол, «присвоили звание Героя».

Франковцы в помещении Малого театра покажут москвичам «Свадьбу Свички» И. Кочерги в постановке Гната Юры, а также «Не суждено» М. Старицкого и шекспировского «Короля Лира».

В Москве давно знают и горячо любят Михаила Романова, замечательного актера и режиссера Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки. В этот раз М. Романов исполняет заглавную роль в чеховском спектакле «Дядя Ваня», который он и поставил. А молодежь этого театра — ученики и воспитанники Романова — покажут «Песню под звездами» В. Собко — о перевоспитании и духовном росте человека в трудовом коллективе и «Юность Поли Вихровой» по роману Л. Леонова «Русский лес».

Свои новые, лучшие работы привезли театры многих городов Украины. Среди них — Харьковский драматический театр имени Шевченко, он поставил пьесу «День рождения», винничане — спектакль «Мертвый бог»; Львовский театр имени М. Заньковецкой — героическую драму А. Левады «Фауст и смерть».

Не о гетевском чернокнижнике идет речь в этом произведении. Драматург и театр показывают нового Фауста, советского ученого, человека, поставившего науку на службу народу. В пьесе большой философский разговор о том, какие высокие моральные качества нужны советским людям, взявшим на себя благороднейшую и смелую миссию открыть тайны космоса.

Черновицкий театр имени О. Кобылянской играет «Лесю» М. Андриевич.

Запорожский театр создал образ легендарного полководца времен гражданской войны — Н. Щорса, имя которого театр носит. В спектакле «Щорс» Ю. Дольд-Михайлика отображен героизм украинского народа в борьбе против иностранных захватчиков и их пособников — буржуазных националистов, петлюровцев.

Мы кратко рассказали о том, что привезли театры. А есть еще музыкальные, хоровые, танцевальные коллективы. Есть звезды нашего искусства: солисты, лауреаты международных, всесоюзных и республиканских конкурсов.

Тут и самый старый из ветеранов украинского советского искусства — Заслуженная капелла бандуристов, созданная еще в 1918 году. Она принимала участие в неделе украинской литературы в Москве в 1929 году и во всех последующих декадах нашей республики.

Здесь и замечательный Украинский народный хор, исполняющий песни на двадцати трех языках. Многие из его артистов пришли из колхозов и принесли с собой народные напевы. Бывшая колхозница П. Симаченко исполняет в концертах сочиненные ею песни. Солистка Д. Фоменко, обладающая замечательным голосом, тоже воспитанница колхоза, а бандурист-виртуоз, лауреат международного конкурса С. Баштан в прошлом — рабочий.

Новую программу привез Заслуженный ансамбль танца УССР, хорошо известный не только у нас в стране, но и за ее пределами. Его руководитель талантливый хореограф Павел Вирский постоянно обращается к творчеству народа. Некоторые танцы им созданы в содружестве с участниками самодеятельных коллективов.

Богатый и душистый венок песен и танцев подготовил заслуженный Закарпатский народный хор.

А есть еще Государственный симфонический оркестр, академическая капелла «Думка». Есть любимцы публики Тарапунька и Штепсель и большое эстрадное представление...

Украина поет... Украина танцует...

От всего сердца поет Украина славу партии Ленина, нерушимому братству советских народов, сердечную благодарность родному Никите Сергеевичу Хрущеву за его труды и заботы о мире.

Трудолюбивый и мужественный народ Украины клянется нашей партии:

Клянемося, рідна, невтомно іти
Під сонцем твоїм до ясної мети.
Хай партії слава над світом луна,
Нехай розцвіта коммунізму весна.

«Верховино, мати моя...»
Всю советскую землю облетела эта песня, музыку и слова которой написал самодеятельный композитор Михайло Машкин из села Долгое, Закарпатской области. Сегодня ее в Москве поют многие участники декады.
Недавно Михайло Машкин написал новую песню — «Вечір на Боржавою».

Слова і музика М. Машкіна.

ВЕЧІР НА БОРЖАВОЮ

Який тихий вечір нині наближається.
Лиш Боржава на бистрині
не вгавається.
Та пташки ті добезтями десь між вітами
Розсипаються піснями, наче квітами.

Приспів:

Дана, дана, дана, дай...
Розквітай, наш рідний край.

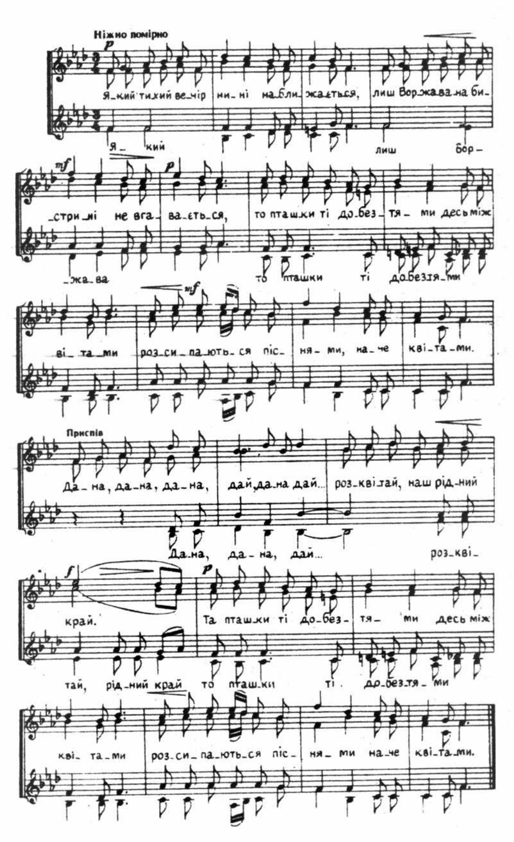
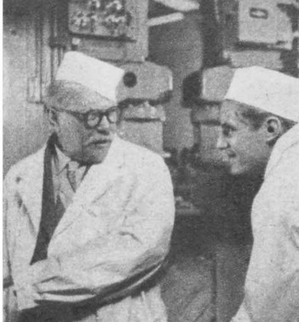
Ми милуємся з тобою з висоти
скали.
Як берізочки гурбою схилом ген
пішли.
І в промінні цвітом білим
розсипаються,
Ніби нам з тобою, милий,
посміхаються.

Приспів.

А внизу красуня-річка заіскрилася,
Мов би сонця світла стрічка там
розлилася.
Чередник корів із гаю до села веде
І в трембіту свою граз, аж луна іде!

Приспів.

Вітер ніжно по обличчю ледь
лоскочеться,
Про красу співать величну серцю
хочеться.
Впали тіні у долину — вечоріється...
Як чудово в цю хвилину з любим
мріється!

Приспів.



«Кровь людская — не водица» по роману М. Стельмаха. На первом плане — Палилюлька — артист Король.

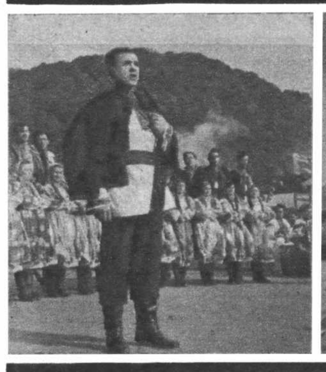
«Наследники». Яков Середа — артист Б. Чирков.

«Люди моей долины». В. Васильева в роли Параси.

«Роман и Франческа». В роли Франчески актриса Л. Гурченко.

«Крепость на колесах».

«Самолет уходит в девять». Долина и Люба — артисты Федориков и Сергейчикова.



«Верховина — мать моя».

«Летающий корабль». Котигорошко — артист И. Ершов, Вернигора — артист В. Грудинин.

КИНО

Более шестидесяти кинокартин покажут в Москве украинские кинематографисты.

В декаде участвуют три киностудии художественных фильмов: Киевская имени А. Довженко, Одесская и Ялтинская, — а также киевские киностудии научно-популярных и хроникально-документальных фильмов. Мы печатаем кадры из новых картин, выпущенных Киевской студией имени А. Довженко.

Павлина Иосифовна Цвелик с внучкой Надеждой Васильевной Вербовской и правнучкой Оксаной.

ЧУДЕСНЫЕ ТВОРЕНИЯ

...Обычная гуцульская хата. Таких много в Карпатах. Но когда войдешь в нее, замрешь в восхищении. На столах, комоде, шкафу, на этажерке ровными рядами стоят кувшины, куманцы, сосуды, тарелки, подвазонники. Вот фигурки диких кабанов, уток, гусей, овец...

А эти вазы с замечательными рисунками из жизни гуцулов! На одной исполнены сцены свадьбы с бурными танцами. Тут и скрипач, и цимбалист, и старик с бубном, невеста и жених в национальных уборах. На других вазах пейзажи Карпат, охота в горах, на третьих — сплав леса по горной речке Черемош. Изумителен и растительный орнамент, в котором преобладают зеленые цвета всех оттенков.

Эти переливающиеся чудесными красками с разнообразными узорами керамично-гончарные изделия Павлины Иосифовны Цвелик известны далеко за пределами нашей страны. Они экспонируются не только в музеях Львова, Киева, Москвы и Ленинграда, но и Польши, Болгарии, Румынии. В Брюсселе на Всемирной выставке в 1958 году они получили высокую оценку.

Белая, желтая и коричневая глина, глазурь, зелень, охра. Этот небольшой набор материалов в руках Цвелик — престарелой народной умелицы из города Косова в Карпатах — превращается в чудесные творения.

Павлина Иосифовна, несмотря на свои 70 лет, очень трудолюбива. Она встает в шесть часов утра: ведь нужно замесить глину, как учил ее дед еще 60 лет тому назад, растереть краски, а потом сесть к станку — вращающемуся колесу — пусть и столетней давности, но на нем с поразительной быстротой вырастают удивительные глиняные фигурки, вазы, кувшины. Их обжиг — целое чародейство: то надо усилить огонь, то уменьшить, то долго выдержать вещь в остывающей печи, то снова опустить ее в жар.

Керамика — потомственное дело Цвеликов. От деда и отца переняла Павлина Иосифовна любовь к ней. Ее муж Григорий Васильевич также создал немало прекрасных вещей, которые находятся теперь в наших и зарубежных музеях.

Интересны керамические изделия Анны Иосифовны — родной сестры П. И. Цвелик; незаурядная мастерица ее внучка — Надежда Васильевна Вербовская. Помогают Павлине Иосифовне и правнуки — Оксана и Василько, перенимают мастерство...

К декаде украинской литературы и искусства в Москве Цвелики всей семьей приготовили замечательные вазы, сосуды, тарелки. Вместе с другими произведениями изобразительного искусства Украины они займут достойное место в выставочных залах столицы.

Виктор БАБИЙ

ДНЕПРОВСКИЙ ВЕТЕР

Рассказ

Олесь ГОНЧАР

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

В сентябре дни уже гаснут.

И только в начале октября, когда на киевских горах разгорится золотая осень, на некоторое время вновь как будто станет светлее вокруг от червленых осенних костров.

На Днепре в эту пору еще движение, еще далеко до закрытия навигации. И хотя мы живем в эпоху космических скоростей, но у днепровских медлительных пароходов пока пассажиров достаточно. Путь дальний, и кому вниз — в Запорожье или в Херсон,— тот должен запастись терпением. Тетки с нижней палубы, везущие картошку на юг, где она этим летом плохо уродилась, не раз за рейс вспомнят черные бури, пронесшиеся весной по степям («И когда научатся их укрощать?»); старичок пенсионер, возвращающийся от сына к себе, в Днепродзержинск, не раз и к тому же со всеми подробностями расскажет о бекасиной дроби, которой ненароком нагнал ему в затылок коллега-охотник (старуха дома выколупывала иголкой, а дробь эта черная, как маковые росинки); аспирант-китаец неоднократно переменит пленку в фотоаппарате, прилежно фиксируя живописные пейзажи, не пропуская на днепровских берегах ни одного кустика; множество партий в пинг-понг сыграют веселые молодые парни — олимпийцы в ярких свитерах (пока никто еще не знает, действительно ли они олимпийцы, но их спортивный вид, хорошие манеры и модные свитеры — все наводит на мысль, что они из числа наших олимпийцев, всеми дорогами возвращающихся сейчас с римских состязаний).

Пароход как следует нагружен, трюмы полны картошки (назад он возьмет арбузы и виноград); мешки с картофелем загромождают все проходы на нижней палубе, пассажиры едва протискиваются между мешками, однако это никого не раздражает, как не раздражает и необычная в наше время неторопливость судна. Если ты уж попал сюда, примирись с здешними порядками и неудобствами, с этим допотопным шлепаньем по воде. Зато, направляясь в днепровские просторы, с палубы увидишь то, чего давно не видел и что вряд ли успеешь разглядеть в окошко реактивного лайнера: Киев удаляется медленно, величаво, и багряная осень еще долго радует пассажиров своей красотой, и еще долго-долго будут они видеть на горе высокую, не постаревшую в веках, с золотым куполом Лавру...

Потом закат погаснет, и киевские горы исчезнут в вечернем тумане, стемнеет, и на Днепре станет холодно. В сумраке будут возникать все новые и новые огоньки бакенов, палубный люд начнет старательней кутаться в предусмотрительно захваченные плащи. Сырой, пронизывающий холод вскоре и вовсе загонит пассажиров в каюты, в заваленные картошкой проходы и в салоны, где тепло и уютно. Палуба опустеет, и станет казаться, что там даже якорная цепь зябнет в одиночестве среди холодной ночи. По темным окнам кают и салонов покатятся капли, и попытавшемуся выйти на палубу в лицо ударит ветер и дождь. Между тем не все смогут спрятаться от непогоды: наверху, на мостике, всю ночь кто-то незаметно для пассажиров будет стоять на вахте...

Только когда ночью пароход тихо вздрогнет, пришвартовываясь к какой-нибудь днепровской пристани, и сверху, с мостика, сквозь усилившийся грохот машин и плеск воды из темноты долетят властные слова команды, отданные звонким девичьим голосом, какая-нибудь добрая душа, дремлющая среди мешков с картошкой, удивленно взглянет наверх и сочувственно покачает головой:

— Мы в тепле, а кто-то всю ночь там стоит под дождем, на ветру...

Кто там стоит, выяснится только утром, когда пароход, прижавшись бортом к пристани, снова будет брать картофель. Заспанные пассажиры увидят, как, спустясь с мостика, наводит порядок у трапа обветренная, небольшого роста девушка в бушлате речника, вероятно, еще с ночи закутавшаяся в шерстяную шаль,— чернобровая, краснощекая, носик чуть вздернут, вся крепкая, как узелок.

Это Люба, помощник капитана. Самого капитана не видно, и все говорит о том, что старшая здесь она, быстрая его помощница, возможно, лишь недавно окончившая училище и надевшая форменный бушлат. На пристанях ее, по-видимому, уже знают. К ней то и дело подходят, о чем-то спрашивают или просто здороваются:

— Привет, Люба!

Отвечая, она редко улыбается. И не то, чтоб характером сурова или увлечена собственной властью,— просто чувствует себя на посту. У нее заботы и дела. Но это не мешает ей медленно жевать что-то — может, не успела позавтракать или любит дешевые конфеты. И хотя все к ней обращаются на «ты», заметно, что фамильярничать с ней никто себе не позволяет и что слово ее здесь веско.

Слыша, что все с ней на «ты», новый пассажир, молодой, в расстегнутой рубашке, тоже попробовал:

— Эй, Люба! Скоро отчалим?

Она будто и не слыхала, зато услышал боцман, пожилой мужчина с могучей шеей отставного боксера, стоявший у трапа.

— Может, кому и Люба, хлопец, да не тебе.

— А мне как? Любочка?

— И не Любочка, а Любовь Семеновна.

Пассажир легко, без обиды принял замечание:

— Есть, учту, товарищ контр-адмирал!

Сам он, этот пассажир, оказался потешным малым. Весь его вид говорил о свойственной ему общительности, о широте его натуры и даже о дерзости. Лицо у него было загорелое, решительное, глаза черные, взгляд беспокойный. Одет он был не по сезону легко, в клетчатой, с распахнутым воротом рубахе (из-под нее выглядывал клинышек тельняшки). Острижен коротко, под машинку, что позволило боцману сделать одно предположение:

— А тебя не дружинники остригли, хлопец? Не подметал ты асфальт в Черкассах?

— Там асфальта кот наплакал,— возразил стриженый,— к тому же я не черкасский, а из-под Черкасс, из села.

И он залпом выпалил едва ли не всю свою биографию: от матери едет, на новостройку, а до этого подвозил трактором горючее, а потом служил на флоте, только что демобилизовался.

— От матери, а куда?

— На Сиваш. Скреперисты да бульдозеристы там нужны.
— А ты вдобавок ко всему еще бульдозерист?
— Я, батя, не бульдозерист, говорю ж вам: я моряк демобилизованный, по последней специальности торпедник. Вы тут по мелям ползаете, а я, не смотрите, что такой, я уже столько всего перевидал, вам и не снилось...
На пароходе хлопец быстро освоился, почувствовал себя как рыба в воде. Вскоре после того, как пароход отошел от Черкасс, хлопца уже знали на обеих палубах. Его стриженая голова появлялась повсюду. Он будто из-под земли вырастал то там, то тут. Ощущалось в нем какое-то простодушное влечение к людям, доверчивость, нескрываемая потребность иметь с ними дело, будто он по людям изголодался и первому встречному готов был, не скупясь, рассказывать о себе, о своей жизни, только б его слушали. А слушали его с улыбкой, одни с ласковой, другие с недоверчивой, и свободные от вахты члены экипажа, совсем юные матросики-речники, раскрыв рты, следили за его рассказами о плавании по морям, о приключениях и опасностях, о гигантских, с тысячами человек линкорищах, которые теперь идут, как он уверял, на металлолом.

— Неужели на металлолом? — недоверчиво, но с надеждой спрашивала дородная, закутанная в платок тетка, сопровождавшая картошку.
— А почему бы я тут был? Разрезали, распилили и — на металлолом. В мартены пойдет, на тракторы!
В голосе у него была и гордость и одновременно приветливость, приветливость даже к этой недоверчивой тетке.
— А сам ты разве с линкора? — интересовался речничок из команды.
— Сам я в основном подводник. Но после болезни, после комиссии, меня в надводный перевели, на торпедных катерах носился, на тех, что по морю летают, как птицы.
Увидев за группой слушателей Любу, то есть Любовь Семеновну, как раз подымавшуюся по лестнице на верхнюю палубу, торпедник тотчас же переключился на разговор с ней:
— Сколько узлов делаете?
— А мы не знаем никаких узлов.
— Ну, тогда сколько миль?
Люба смутилась:
— У нас не мили, у нас километры... Семнадцать километров в час.
— Ха-ха-ха! — Ему стало весело.

Вопреки наставлению боцмана теперь окончательно называя ее Любочкой, он стал разъяснять ей, что такое узлы и мили, и как мчатся по морю торпедные катера, как они аж подскакивают, едва касаясь волны, такая у них скорость, а тут... семнадцать километров!
Он искренне, от души смеялся.
С появлением его на пароходе все будто оживились. Он вихрем ходил по палубам.
Только запахло из буфета борщом — хлопец был уже там. Сперва он занял отдельный столик, но усидеть один, без собеседников, повидимому, не смог и, перекинувшись несколькими фразами с олимпийцами, обедавшими в углу, запросто перекочевал к ним.
Официантка, одноглазая, как циклоп, и злая, как оса, особа, не прощавшая другим пассажирам самое незначительное проявление независимости, даже улыбнулась, следя, как переселяющийся к олимпийцам стриженый торпедник ловко несет свой борщ между столов.
Олимпийцы охотно приняли его в свою компанию. Хлопец проявил надлежащий такт и не стал допытываться, с медалями они возвращаются или без. Аппетитно хлебая борщ, он начал рассказывать о себе откровенно и пылко, будто желая поскорей вознаградить себя за все подводное молчание среди рыб, в темноте морских и океанских глубин.
Необыкновенные, фантастические рыбы рядом, а ты, спущенный с лодки, в скафандре, пробираешься среди них, куда нужно, освещаешь глубины специальным прожектором, а бывает, что густые водоросли окутают и сдавят тебя, и тогда ты рассекаешь их ударами ножа; но вот тебе не хватает кислороду, ты задыхаешься — спеши назад, в лодку, чтобы вдохнуть свежий, родной воздух... По-видимому, ему самому казалось невероятным все то, что он, деревенский парнишка, попавший от тракторов на флот, пережил там, преодолел, победил.
— Еще три бутылки пива! — кричит он одноглазой, обслуживающей его с явной благосклонностью, и, когда бутылки на столе, угощает олимпийцев. Те отказываются: спиртного они не пьют.
— Разве это спиртное? — простодушно удивляется торпедник, а они только смеются, с любопытством поглядывая, как он к одной жидкости с бульканьем доливает другую, делает «ерш», а потом — раз! — и спокойно вытирается.
— Вот это кальвадос! — замечает один олимпиец. — А еще говорят, что у нас кальвадос не умеют употреблять.
— Мы еще их научим, — говорит торпедник.— Только не думайте, что я этим злоупотребляю просто сейчас настроение такое.
Все столики заняты, чинно обедают величественный профессор с седой, не менее величественной супругой, и днепродзержинский пенсионер, и приветливый ко всем китаец, и женщины, везущие картошку. Обед в разгаре, и тут в буфет влетает еще один весьма взволнованный пассажир, в очках, лысый, с обрюзгшим лицом, в полосатой, как африканская зебра, пижаме.
— Граждане! — взволнованно обращается он ко всем и на мгновение умолкает: ему не хватило воздуха.
— Ну, что «граждане»? — вместе со стулом поворачивается к нему торпедник.
— Бумажник пропал, — виновато выдыхает пижама.— Может, кто-нибудь нашел? Там деньги, а главное, документы.
— В воду уронили или как?
— Нет, где-нибудь на палубе или в коридоре...
— Ну, если так, найдем, — говорит торпедник и, оставив обед, вскакивает, готовый броситься на поиски, будто его даже радует возможность взяться за какое-нибудь дело, но олимпийцы его удерживают.
— Это же можно проще...— говорит один из них, чисто выбритый, щеголеватый. — Пойдите в радиорубку, объявите, — советует он пижаме, — если кто нашел, — вернет.
— Правильно, так будет лучше... А где радиорубка? — растерянно спрашивает потерпевший и, выслушав дружные советы, исчезает в проходе.
Спустя несколько минут из громкоговорителя летит строгое, почти грозное:
— Граждане! Нашедшего кожаный бумажник с документами просим немедленно занести его в радиорубку!
И после непродолжительной паузы опять:
— Граждане, повторяем: нашедшего кожаный бумажник...— и так далее.
Пассажирам не по себе, есть уже не хочется. Торпедник вновь рвется на розыски. Весело настроенные олимпийцы уговаривают его успокоиться и проявить надлежащую моряку выдержку.
— Идем, разве это идем? — вдруг говорит он, роняя взгляд в окно.— Как черепаха ползем, как на волах в конце восемнадцатого столетия. Говорят, будто на Волге уже «ракеты» по воде ходят...
— Вы спешите? — спрашивает приземистый, коренастый олимпиец, который немного старше остальных.
— Не спешу, но и так вот не люблю. Быстрый ход люблю! Ракетную скорость!
Олимпиец в синем свитере с белой чайкой на груди задумчиво побарабанил пальцами по столу.
— Прежде говорили: самое быстрое на свете — человеческая мысль. А сейчас быстрее, знаете, что?
— Электронная машина.
— Ой, сомневаюсь, — тряхнул головой торпедник.— А чувство человеческое? Оно же бывает, как молния! Любовь, например: не ждешь, не думаешь, а встретишь — и вдруг как током тебя! Разве не бывает так, а?
— Это счастливый ток, — проговорил олимпиец с белой чайкой.
А торпедник, неожиданно улыбнувшись собственной мысли, снова завертел головой.
— Ну идем же, ну и моряки... Как в корыте по Днепру, миль, узлов не знают.
— А вы видели, — сказал свежевыбритый олимпиец, — какая девушка наш корабль ведет?
— Видел, — пробормотал торпедник и подлил себе пива. — Любочкой ее звать.
Зашла речь о Любочке. Каждый, оказывается, мог сказать о ней что-нибудь свое, каждый ее заметил. И как она ест конфеты на причалах, и как лишь изредка дарит кому-нибудь скупую улыбочку, и как будто совсем не спит она в этом рейсе, ведь поздно ночью или утром, подтянутую, стройную, ее всегда увидишь у трапа или на мостике, если нет у

трапа... Капитана не видно, всюду видишь ее, хотя она только помощник капитана. Иногда так озябнет, что даже побелеет, и тогда ее черные густые брови особенно выделяются на бледном лице.

Чувствовалось, что Люба не оставила олимпийцев равнодушными к себе, они разговаривали о ней охотно, с интересом, от их наблюдательности не могло скрыться, что иногда на пристани она сходит возбужденная, а возвращается задумчивая, грустная. Будто надеялась кого-то встретить, искала и не нашла.

Хотелось больше знать о ней; как она живет, кого оставила в Киеве, кто ее ждет. А может, никто и не ждет ее в жизни? Может, все чувства, всю девичью страсть берет Днепр, ширь эта неспокойная, ночь темная и ветер, все им отдает, а для себя ничего не остается? Дни и ночи так. Вместо танцев — рейс сквозь дождь и ветер. Чулки — не нейлон, а теплые, грубошерстные на стройных девичьих ножках...

— Славная, славная! — сказал коренастый.— Жаль, что ухаживать нам за ней не светит.

— Почему не светит? — даже дернулся торпедник.

— Женатые мы, заарканенные... А вы?

— Я свободен.

— О, так у вас перспективы,— насмешливо заметил старший олимпиец и добавил уже серьезно: — Работа у нее нелегкая, мужская, но смотрите: женственности не теряет, есть в ней что-то привлекательное. Такую представляешь себе и женой, и хозяйкой в доме, и матерью детей... Посоветует и поможет.

— Граждане! — В дверях вновь полосатая африканская пижама с накинутым на нее макинтошем. Лысина радостно сияет, на губах улыбка виновато-сладкая.— Простите, будьте добры, напрасно побеспокоил: нашелся бумажник.

— Где он был? — сердито спросил профессор.

— В каюте, за диван завалился... Прошу прощения... Теперь можно и закусить.— Счастливец искал взглядом, где бы сесть.

Место ему нашлось за круглым столом посреди зала, где неторопливо и степенно обедали женщины, везущие в свои степные районы картошку. Гражданин с обрюзгшим лицом тотчас же заговорил с ними. Узнав у женщин, что их колхоз на самом берегу Каховского моря, спутник тут же по-компанейски признался, что он, выходит, почти родственник им, ведь он один из тех, кто в свое время проектировал здешнее степное море. Однако вместо того, чтобы обрадоваться, женщины почему-то насупились.

— На кой ляд нам такой родственник! — сказала осанистая, самая боевая.— Столько плавней, столько земли золотой затопили, а картошка где? Прежде сами ею всех кормили, а теперь вот из-под Киева возим.

— Плавни нам по ведру картошки с клубня давали,— более деликатно объяснила другая, сухонькая старушка,— тыквы такие родились — не обхватишь... И сено и топливо — все было...

— А теперь не плавни — болото,— вновь подхватила боевая, сердитая,— летом вода цветет, гниет, волна берег рушит, воды зачерпнуть не подступишься. У моря, а без воды! Водопровод для села и для ферм обещали, да толку с тех обещаний...

— Ну, это не моя вина,— упал духом собеседник.

— А чья? — рассердилась тетка.— Сами же планировали и опять, говорят, планируете. Теперь вот собираются дамбы возводить, чтобы Конские плавни назад у воды отвоевывать, а тогда о чем думали? Прежде чем целые края затапливать, вы с людьми посоветуйтесь, с колхозами да с райкомами. Может, десять ваших ГЭСов не дадут того, что дает земля, которую вы затапливаете...

— Так его, так, критикуйте! — проходя мимо их стола, подбодрил тетку днепродзержинский пенсионер.

Торпедник и олимпийцы, расплатясь, тоже направились к выходу.

— Все же, гражданин,— на миг задержался возле владельца найденного бумажника торпедник,— разрешите по секрету вам сказать, что вы раззява.

— Благодарю за комплимент.

— Кушайте на здоровье.

И, вежливо приложив руку к стриженой голове, торпедник твердым шагом вышел вслед за олимпийцами.

На их приглашение сыграть в пинг-понг он ответил отказом. И, чем-то будто обеспокоенный, хмурый, побрел на корму курить одну за другой крепчайшие свои сигареты.

Днепр широко и свободно струился вдаль, холодно-светлый, серебристо-оливковый, потому что и небо было такое. Берега то приближались, то уходили за горизонт. Над водным простором изредка пролетала птица. На солнечной, закрытой от ветра стороне палубы было еще тепло, а в тени на другом борту так и резал ветер.

Жадно куря, торпедник бродил по палубе, бесцеремонно заглядывал в окна кают и служебных помещений, и, если б спросили, кого ищет, так и сказал бы:

— Вашу, эту... Любку!

А она тем временем сидела в комнате отдыха в носовой части парохода и писала письмо. Здесь ей никто не мешал, была здесь одна. Напишет несколько слов и переведет взгляд на окно, за которым открываются все новые днепровские виды с вышками маяков, с ветряными мельницами на далеких холмах.

Это новое, Кременчугское море.

Люба снова склонилась и задумчиво пишет. Если б торпедник, который ходит и заглядывает повсюду, заглянул ей в письмо, он прочел бы следующее:

«Милый мой, дорогой!

Капитан заболел, и я ночь напролет стояла на вахте и ночь напролет думала о тебе. На вахте даже сквозь ночную темноту, где-то там, впереди, за сигнальными огнями, я вижу тебя. На причалах, как выйду, все ищу тебя глазами, хотя знаю: тебя нет, ты далеко. Если бы нашему пароходу да скорость ракеты! Скорость такую, чтобы долететь, домчаться к тебе в одну секунду! Мои теперешние пассажиры нередко жалуются, что мы идем медленно, едва, как они говорят, шлепаем по воде. Люди ищут другие скорости в наше время. А я и не знаю, все ли счастье в этом!..

Сегодня утром стою на мостике, а надо мною с гулом и свистом, как снаряд, пронесся через Днепр реактивный, даже зажмурилась. Раскрыла глаза, а в воздухе тихо, беззвучно чайка плывет. Там сила и стремительность снаряда, а чайка так тихо плывет, медленно, красиво...»

Посмотрела в окно, погрызла карандашик и продолжала:

«Кременчугским морем идем. Чем дальше на юг, на просторы, тем крылатей ветер. Ночью, когда стоишь на вахте, он налетает, будто живой, всякие мысли приносит... Такой же ветер гнал дым пожаров тут во время войны, когда я была совсем маленькой и бежала с мамой на переправу. До сих пор вижу тот черный, страшный ветер. Есть у меня сейчас один сумасбродный пассажир, рассказывает что огромные военные корабли будто бы распиливают на металлолом, и я радуюсь, слушая этого пассажира. Только ты не ревнуй...»

Кто-то заслонил ей свет. Подняла глаза — за окном, закрыв собой едва не пол-Днепра, стоит раскрасневшийся торпедник и широко улыбается.

Она тоже улыбнулась.

А еще через минуту в дверях увидела его с распахнутым воротом. Он бросился прямо к ней.

Смутившись, она поднялась:

— Что тебе нужно?

— Дай мне любое задание!

— В Днепр, может, бросишься?

— Брошусь, хоть с мачты!

— Холодно уже... Да и зачем?

— Чтобы доказать... Убедить тебя... Чтобы ты знала... Ведь я не шутки шучу!

Она посмотрела на него взглядом пристальным, твердым, как, может, смотрела ночью на бакены, на сигнальные днепровские огни. Потом, молча взяв со стола книгу и недописанное письмо, пошла, почти выскочила за дверь.

Но торпедник не отставал. Она на палубу — на палубу и он. Она подымается на мостик — он по лесенке за ней.

Девушка сердито оглянулась:

— Ты куда? Не видишь надпись: «Посторонним запрещается»?

— Я не посторонний.

— Нет, посторонний, именно посторонний!

Это было сказано так, что он не осмелился дальше идти за ней. Вернулся, постоял уныло. Занята. Есть у нее кто-то! Есть, но кто? Где? Какой?

До самого вечера торпедник сидел в буфете в облаках табачного дыма и уже не витийствовал, из его уст уже не летели во все стороны эти чудесные мили, узлы и муссоны, которыми он недавно ошеломлял слушателей.

Ночью на ГЭСе выгружали картофель. Бригадой набежали грузчики, на головах брезентовые, ниспадающие на плечи капюшоны, одеты как попало и обуты тоже. Большинство в бригаде немолодые уже, низкорослые, но крепыши, некоторые будто даже невзрачные, но как они взялись за работу, как она закипела у них!

Пассажиры, собравшись у трапа, смотрели на них, как на волшебников. Делалось все дружно, ловко, весело; тяжелые мешки так мелькали, так и летали, будто в них был пух, а не пуды картофеля... Одни грузчики — из трюма гуськом на трап, даже прогибавшийся под ними, и дальше с мешками на пристань, а другие, освободясь, уже навстречу — бегом, рабочим строем: «Где еще тут? Давай! Быстрей! Расступись!»

— Вот это работа! Приятно смотреть! — увлеченная, сказала Люба, и хотя навряд ли она обращалась к торпеднику, но он вмиг исчез, будто провалился, в трюме.

Вскоре он появился оттуда вместе с грузчиками. На плечах у него был тугой мешок.

— Посмотрите, вот и наш пристроился,— засмеялся кто-то из пассажиров, узнав торпедника. А тот, ступив на трап, нес свою ношу мимо Любы прямо-таки виртуозно: огром-

ный, набитый картошкой мешок сам лежал у него на плечах, хлопец даже не поддерживал мешок руками, руки были свободны, а веселые зубы сжимали сигарету.

Когда отчаливали, торпедник вернулся на пароход с трофеем — с полосатым арбузом неимоверной величины. Поднес его Любе.

— На, возьми!

— Весь? — улыбнулась она.— Весь не возьму.

— Бери! — уговаривал боцман.— В нем полпуда солнца херсонского!

— Весь не возьму,— повторила она.— Разве половину?

Хлопец мгновенно грохнул арбузищем о перила, и когда арбуз раскрылся, полный красного жара, полный степного солнца, хлопец подал большую половину ей:

— С «душой» [1] бери!

Ночью в подводной части парохода случилась какая-то поломка, лопасть, что ли, вышла из строя, и пришлось долго стоять на середине реки, ремонтироваться в темноте.

Теперь пассажиры видели Любу озабоченную, взволнованную, однако, когда торпедник, заглянув в машинное отделение, попробовал дать непрошеный совет, она так отбрила хлопца, что он советов больше не давал.

В Днепродзержинске вновь оставили часть картофеля, трюмы опустели, пароход стал легче и пошел будто даже быстрее, веселее вниз, навстречу широким степным ветрам.

Остались позади могучие дымы Запорожья. Постепенно менялся состав пассажиров. В порту Ленина сошли олимпийцы, которые, как выяснилось, были только будущие олимпийцы (так сказали они шутя о себе), а пока — лишь инженеры запорожских заводов, действительно возвращавшиеся с каких-то спортивных состязаний. Еще раньше сошли пенсионер с бекасинником в затылке, и загадочно улыбающийся китаец с фотоаппаратом, и профессор с супругой. Теперь, кроме торпедника, следовавшего до конечной пристани и даже дальше, из старых пассажиров на пароходе оставались только тетки с картошкой да очкастый пижамник, пребывавший после стычки за обедом в молчаливом конфликте с тетками.

[1] «Душа» — сердцевина арбуза.

Пароход заметно стало покачивать: шли по Каховскому морю в открытых просторах неспокойной сплошной воды. Сырою мглою затягивало берега, они почти исчезали в затуманенной дали. Ветер, слабый, пока пароход удалялся от багряных киевских гор, совсем утихавший, когда судно опускалось в камере шлюзов (а таких камер на Днепре все больше),— этот ветер теперь вовсю разгуливал по просторам, крепчал, свистел, срывая с волн белые клочья пены. А когда открывалась дверь на палубу, ветер бил в лицо, отбрасывал назад, и удивительным казалось, как удерживается на мостике девушка — помощник капитана.

По волнам шло судно, сквозь белую метель чаек.

— Это уже шторм,— обратился к новым пассажирам повеселевший торпедник,— слышите, как скрипит наша посудина?

Дальше все тяжелей было подходить к причалам; к одному из дебаркадеров, приютившемуся под высоким, обрывистым берегом, особенно долго и трудно приставали. Вода разбушевалась и помутнела, штормовая волна с каждым ударом обваливала рыхлый, осыпавшийся берег. Судно во взбаламученном море будто сразу стало непослушным, плохо повиновалось летящей с мостика команде. Носом успели зацепиться, а корму все дальше относило в сторону, толкало к обвалившемуся берегу, и возникала угроза сесть на мель. Надо было быстрей кидать трос с кормы на дебаркадер и подтягиваться к пристани. Но кто же добросит тяжелый стальной трос на такое расстояние?

Неопытные матросики-речники растерялись.

— Шлюпку! — крикнул появившийся на корме торпедник.

Люба сразу поняла его. Немедленно приказала спустить шлюпку.

Пассажиры, высыпав на палубные террасы, видели, как торпедник, оттолкнув одного очень уж неловкого матросика, прыгнул с другим в шлюпку, подхватил поданный ему трос и, преодолевая волну, помчался к дебаркадеру.

Там его уже ждали и на лету подхватили брошенный со шлюпки трос.

Судно, подтянувшись, вплотную пришвартовалось к дебаркадеру.

Шлюпка вернулась к судну, ее подняли лебедкой и вновь установили. Когда мокрый, забрызганный волной торпедник вскочил на палубу, пассажиры встретили его поздравлениями, и только обрюзгший пижамник, с которым хлопец в первый день обошелся не совсем деликатно, встретил парня колким, злорадным смешком.

— Ты хоть заметил, к какому причалу помог ей пришвартоваться? Это причал ее сердца, не иначе... Только трап опустили — так и бросилась туда! Разволновалась, ты бы видел!.. Вон того усатого все про кого-то расспрашивала, а на прощание конверт какой-то ему передала.

В это время раздалась команда отчаливать.

Рыба, оглушенная винтом, всплыла из-под парохода. С дебаркадера принялись ее подбирать хваткой. Двое молодых сели над свежим уловом и стали чистить рыбу, а один, в форме речника, пожилой, усатый, стоял у перил дебаркадера, провожал взглядом медленно отчаливавший пароход.

— Вы же не забудьте! Передайте, как только вернется из рейса! — взволнованно кричала ему с мостика Люба.

— Передам, передам,— успокоительно гудел с дебаркадера усатый.

Торпедник, подняв голову, посмотрел на мостик и увидел Любу, увидел сейчас совсем другую, не прежнюю,— далекой была в этот миг, недоступной. Он для нее не существовал. Открыто влюбленная, смятенная, она была сейчас целиком во власти своего чувства, которое, казалось, так и рвется у нее из сердца, предназначенное кому-то неизвестному, кому она оставила здесь письмо.

«Вот где, оказывается, Любовь Семеновна, причал вашего сердца! — с горечью подумал торпедник.— Взглянуть хотя бы, какой он, этот счастливец, к которому вы так крепко пришвартованы».

Хмурясь, торпедник побрел на нос, к якорям.

И снова простор, и снова ветер.

Было много птиц. Чайки легко вились в воздухе. Дикие утки-крыжаки с упругой стремительностью проносились туда и сюда.

Пронесутся и сядут на седую воду, почти скроются — с судна едва заметны темные точки между волн, там, где дичь отдыхает.

Перевел с украинского Ник. Ушаков.

Жизнь моя — поэзия моя

Андрей **МАЛЫШКО**

* * *

В дни, что отгремели вешним громом,
Отзвенели песней соловья,
Ты не раз звала меня из дому,
Жизнь моя — поэзия моя.

В тополином мирном колыханье,
В свисте пуль, у смерти на краю,
Я твое улавливал дыханье
И походку узнавал твою.

В дни свиданий и в часы разлуки,
Добрая, не знающая зла,
Ты ко мне протягивала руки
И меня от смерти берегла,

Чтоб не брел я стежкой проторенной,
Не гнушался черного труда.
Чтобы в песне, жизнью вдохновленной,
Не кривил душою никогда.

И твоим дыханием согретый,
Не один осилив перевал,
В мир открытий, в песнях не воспетый,
Я летел — и сердце разрывал.

Ты прости меня, как мать родная,
Что дает мне силы в час крутой,
За мои грехи — их люди знают,—
За мои долги перед страной!

За мои сомненья и тревоги,
Что прошли, развеялись, как дым...
И когда бы вправду жили боги,
Я б тебе молился, а не им!

* * *

Снова лето мне приснится,
Синий-синий небосвод...
Соловей — земная птица —
Песню-золото кует.

Заплетает в эту песню
Звон ручья и шум полей.
Шлет свой голос в поднебесье,
Кличет белых голубей.

Горло росами полощет,
Задыхаясь от рулад,
И жилую ищет площадь
Для горластых соловьят.

Над садами песнь несется,
Всходит солнышко вдали...
В малом тельце щедро бьется
Сердце матери-земли.

* * *

Все чаще слышу я упреки злые:
Лишь три тропы он проторил в стихах:
Село и детство, будни фронтовые,
А дальше — мир и жито на полях.
Он дни и ночи пишет об одном,
Он движется в движенье круговом...

А что же мне: забыть тот край родной —
Свидетеля всех игр моих ребячьих?..
Там жарко в поле от снопов горячих
И вишни зацветают под горой,
Там снеговей метет во все края
И белым сном дороги заметает,
Сопилка в хате старенькой играет,
Печаль моя и молодость моя...

Там я впервые вычитал слова
Родимой «мовы» под отцовской крышей,
Там песню материнскую услышал,
Что до сих пор в душе моей жива.

Скажите, неужель моя вина,
Что в край родной нагрянула война,
Что, как и все, я взял винтовку в руки,
Пошел навстречу смерти и разлуке,
И гневом жил, и горе пил до дна:
За хлеб, за соль, за каждый колосок,
За жалобный ребячий голосок,
За ту криницу с дедовскою цепью,
Набитую телами до краев,
За то, что встанут мертвые из рвов
И принесут кровавые отрепья
На суд людской?
За все врагу я мстил:
За пепел сел, за бугорки могил,
За холод, за окопы фронтовые,
За те пути, что нам пришлось торить,
За те поля, где в годы молодые
Мы убивали, чтобы жизнь творить!

Все это в сердце врезалось навек,
И по ночам мне слышен стон калек...
Но боль пройдет, забудется беда.
Я полюбил рассветный свист дрозда,
Мелодию железа, песню плуга,
И пляску кос в холодных травах луга,
И синий дым, что в небе тает тонко,
И свадеб гул, и первый крик ребенка,
И ту слезу, что светит нам в ночах
Не у войны, а у любви в очах.

И жизнь кипит, и в сердце — вешний гром,
И падают к нам звезды с небосвода,
И снова труд: ведь я лишь сын народа,
Простой листок на дубе вековом.

Перевел с украинского
Лев Смирнов.

Шевченко в Казахстане

В 1847 году при раскрытии властями Кирилло-Мефодиевского общества в числе других его участников был арестован великий украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко. За обнаруженный у него при обыске цикл революционных стихов под общим названием «Три года» поэт был сослан бессрочно в Отдельный оренбургский корпус рядовым солдатом «с запрещением писать и рисовать».

В нескольких верстах от реки Карабутак, вдали от дороги, растет и сейчас одинокое дерево. Его так и называют — «Джангыс-агач» — Одинокое. Дерево имеет саженей пять в высоту и не менее двух саженей в обхвате. У местных жителей дерево считалось священным.

У этого дерева был Шевченко и, расставаясь с ним, написал: «Я оглянулся еще раз, чтобы в последний раз полюбоваться на обоготворенного зеленого великана пустыни. Подул легонький ветерок, и великан приветливо кивнул мне своей кудрявой головою. А я, в забытьи, как бы живому существу, проговорил «прощай»...»

Эта сцена прощания великого кобзаря с Одиноким деревом запечатлена советским художником-гравером С. В. Кукурузой, проживающим ныне в Актюбинске. Гравюра эта здесь воспроизводится.

Автор ее С. Кукуруза родился на Украине, за Днепром, в селе Приуротье. Он учился в Киевском художественном институте, потом в Москве. Академик Игорь Грабарь сказал ему:

— Рисунку мы вас научим, а композиция у вас есть. Только запомните: вы прирожденный гравер. Живопись вам нужна лишь для того, чтобы овладеть цветной гравюрой.

С тех пор гравюра стала делом жизни художника. Но жизнь забросила С. Кукурузу за тысячи километров от Украины — в Актюбинск, где вот уже десять лет художник преподает рисование в педагогическом училище.

Но как отдать дань родной Украине, всегда и неистребимо живущей в сердце? И вот все свободное время С. Кукуруза посвящает местам, в которых побывал великий украинский поэт в годы своей ссылки. С. Кукуруза создает серию гравюр и офортов на тему «Шевченковские места в Казахстане». Это места, которые рисовал сам Шевченко, места, о которых он записывал в своих дневниках, упоминал в стихотворениях.

Отгравировано таких рисунков пока десять. Автор сам лично и отпечатал их всего лишь в трех экземплярах альбомом, один из которых он прислал пишущему эти строки.

«Я читал вашу книгу, — сообщил мне художник, — вы так убедительно рассказываете о книжных редкостях, что я решил — пусть будет у вас и мой альбом, тоже, как видите, редкий...»

Встает вопрос: а почему, собственно, альбом гравюр С. В. Кукурузы «Шевченковские места в Казахстане» должен быть редкостью? Почему бы издательству «Искусство» не напечатать его в количестве, достаточном для того, чтобы с ним ознакомились многие любители искусства?

Приближаются юбилейные дни великого поэта и художника Тараса Шевченко. Все, что связано с его именем, чрезвычайно дорого советским людям. Шевченко не только великий поэт Украины, — он любимый поэт и художник всех народов, населяющих необъятный Советский Союз.

Ник. СМИРНОВ-СОКОЛЬСКИЙ

КРАСОТА ТРУДА

Пожалуй, никогда еще на украинских художественных выставках не было таких ярких, колоритных полотен, как на выставке «Советская Украина» в Центральном выставочном зале в Москве. Сама жизнь подсказала художникам эти краски.

Люди Украины, их повседневный быт и труд, беспредельно щедрая, полная поэзии природа составляют основное содержание произведений, представленных на выставке.

Михаил Хмелько известен как автор исторических полотен о событиях прошлого и о наших днях. Его новая картина, «Съезд строителей коммунизма», посвящена XXI съезду Коммунистической партии Советского Союза. Художнику удалось не только передать атмосферу радостного подъема, который царил на съезде, утвердившем величественную программу развернутого строительства коммунизма, но и раскрыть нерушимое единство партии и народа. Картина Хмелько — историческое полотно и вместе с тем групповой портрет. Среди изображенных художником делегатов съезда мы видим Никиту Сергеевича Хрущева, мы узнаем Александра Гиталова и Евгению Долинюк, Николая Мамая и Галину Буркацкую, академиков А. Н. Несмеянова, И. В. Курчатова, А. Н. Туполева, писателей Михаила Шолохова и Александра Корнейчука...

О красоте, поэзии будней советской жизни рассказывают картины Михаила Чепика «Высотники» и Михаила Антончика «Утро». Многие посетители выставки, глядя на эти полотна, скажут: «А ведь это о нашем городе. Это о нашем колхозе. Это о моих земляках!»

Картина Татьяны Яблонской «Праздничный вечер» переносит нас в горное закарпатское село. Художница еще раз блеснула своим ярким дарованием и живописным мастерством. Сколько силы в фигурах молодых гуцулов! А насыщенный колорит — словно сгусток вечерней зари!

Советские зрители хорошо знают произведения известного украинского живописца Михаила Божия. На этой выставке он представлен рядом работ, в том числе картиной «Думы мои, думы мои...», посвященной Тарасу Шевченко. Тут же видим произведение сына художника, двадцатидвухлетнего Святослава Божия, «Подсолнухи» — своеобразную новеллу о молодости, о радости жизни в нашей стране.

Картины украинских живописцев полны национального своеобразия. Но в них отчетливо видно и то общее, что объединяет произведения художников всех народов нашей Отчизны: единство жизненных интересов и целей советских людей, строящих коммунизм.

Л. ВЛАДИЧ

М. Чепик. ВЫСОТНИКИ.

С ВЫСТАВКИ «СОВЕТСКАЯ УКРАИНА»

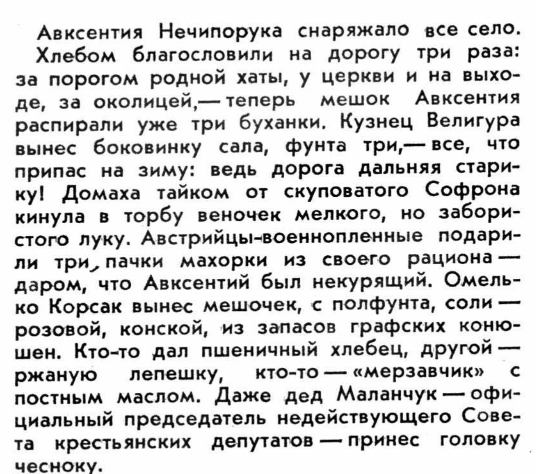
На обороте: **М. Хмелько.** СЪЕЗД СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА.

М. Антончик. УТРО.

С. Божий. ПОДСОЛНЕЧНИКИ.

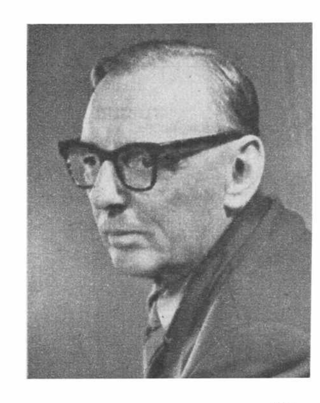
Т. Яблонская. ПРАЗДНИЧНЫЙ ВЕЧЕР.

ЗА ПРАВДОЙ



Из романа «РЕВЕТ И СТОНЕТ ДНЕПР ШИРОКИЙ»

Юрий СМОЛИЧ



Авксентия Нечипорука снаряжало все село.

Хлебом благословили на дорогу три раза: за порогом родной хаты, у церкви и на выходе, за околицей,— теперь мешок Авксентия распирали уже три буханки. Кузнец Велигура вынес боковинку сала, фунта три,— все, что припас на зиму: ведь дорога дальняя старику! Домаха тайком от скуповатого Софрона кинула в торбу веночек мелкого, но забористого луку. Австрийцы-военнопленные подарили три пачки махорки из своего рациона — даром, что Авксентий был некурящий. Омелько Корсак вынес мешочек, с полфунта, соли — розовой, конской, из запасов графских конюшен. Кто-то дал пшеничный хлебец, другой — ржаную лепешку, кто-то — «мерзавчик» с постным маслом. Даже дед Маланчук — официальный председатель недействующего Совета крестьянских депутатов — принес головку чесноку.

Управились и с одежей. Кобеняк и сапоги у Авксентия были. Вивдя отдала припасенные для Демьяна холщовые онучи: о Демьяне после побывки ни слуху ни духу. Гречкина Ганна вынесла старые, хотя и латаные, но еще годящие матросские бязевые подштанники — пошел Тимофей в Киев, на съезд, да так и не вернулся. Чистую сорочку на смену постирала и выкатала собственными руками сестра Меланья: она как раз опять случилась в селе, снова за полупудом гречки или пшена, потому в Киеве уже пошла голодовка и нечего было дать перехватить ни лихому красногвардейцу Данилке, ни сердитому на весь мир, хмурому мужу Ивану.

Итак, экипирован был старый Авксентий хоть куда — ну, прямо вокруг света отправляйся, если люди не брешут, что земля и правда круглая! И на сердце у односельчан стало спокойнее: по крайней мере на совести не будет греха, а там — доберется дед или не доберется — пускай уж идет, раз уперся. Да и как-никак был интерес: а вдруг все же дойдет, а там, гляди, вернется и принесет-таки стоящий закон и настоящую правду?

Всем селом и провожать вышли за околицу, до самого киевского моста через Здвиж.

Старый Авксентий ковылял, известное дело, впереди, даже сгибаясь под тяжестью; на спине — вьюк с харчами, на груди — мяконькое белье. В правую руку он взял добрый посох. За левую руку брата держалась Меланья: до Киева пойдут через Гостомельские боры вместе, а там подсадит Авксентия в какой-нибудь эшелон и умоется слезами: приведется ли еще раз свидеться? Народ, может, с полтысячи, целая процессия, плелся сзади — морозный снег на дороге скрипел и повизгивал, и пар от людского дыхания облаком клубился над толпой.

Шли и старые, и малые, и бабы, и деды; дети катались в пушистом снегу, весело забегали вперед, и все время приходилось прикрикивать на них — ведь такая важная минута! Шли пленные австрийцы со своим капралом Олексюком. Шли «экономические», и парубки и девчата; это племя, известное дело, все со смешками да визгами: им хоть бы что, хоть какой торжественный момент, только бы дурачиться да лясы точить. Шли безземельные, шли из хозяев на своей земле, из батрацкого рода. Шли — правда, позади, утоптанной уже в снегу стежкою — даже управитель Савранский, богач Омельяненко, а при них семинарист Дудка, в шапке с красным верхом и с наганом на боку, ибо объявил себя ныне властью от партии эсеров на селе, да учитель Крестовоздвиженский — теперь самый высший авторитет, потому что грамотный был на трех языках и даже получал газету из Киева.

За мостом — то была уже не Бородянская, а Бабинецкая земля — стали прощаться окончательно. Бабы сразу принялись голосить, да Омелько Корсак цыкнул на них; он, хотя и самый младший, но после того, как ушел Тимофей Гречка, признал себя председателем ревкома и тоже — в пику семинаристу Дудке — верховной властью на всю Бородянку.

— Ну прощайте, дядька Авксентий,— сказал Омелько как мог степеннее,— желаем удачи, раз уж вы такую штуку в голову себе втемяшили! А по-нашему, по-пролетарскому: не только света, что в окошке, придет со временем революция и в наши места, так нечего переться аж за двунадесятую параллель, чтоб искать революционного закона на буржуйское беззаконье... Вот как дадим огня из ста двадцати орудий!..

Омелько Корсак, став председателем ревкома вместо матроса Гречки, считал подобающим перенять его полуморяцкую, полуученую терминологию.

Бабы да и девчата снова начали хлюпать, но Омелько Корсак глянул на них — из-под кудлатой шапки, да еще когда наган на боку, взгляд его и вправду казался грозным,— и женский пол притих.

Тогда сказал и кузнец Велигура:

— Прощевай, брат! Иди здоровый, вертайся скорее, в дороге не застудись, ишь какой мороз! И чтоб принес нам писаный закон, и такой, как людям надобно, а не какое-нибудь там невесть что, пся крев!

Он обнял Авксентия — с малых же лет вместе и свиней пасли, и в ночное гоняли, и батрачили, и в парубки вышли — и пустил слезу. Шапку он снял — серебряные космы чуприны сразу покрылись блестящей изморозью — и поцеловался со стариком трижды накрест.

Вивдя и Домаха чмокнули отца в руку и прикрылись косынками.

Софрон подошел, вроде стыдясь, смотрел куда-то в божий свет, а не родителю в лицо и тоже приложился к руке Авксентия.

Потом стали жать руки кто ближе стоял. Одни — с добрыми пожеланиями, другие — молча, угрюмо. Подошел и австрийский капрал Олексюк:

— Счастья вам, пане-батько, отец ро́дный, скажите там при случае, что и мы хотя австрийского государства, а все же свои — украинцы, хлопы-селяне, и нам без земли нет жизни. Скажите: кланяемся и просим революцию к себе, в Галичину...

На каждое слово, на каждое пожелание старый Авксентий отвечал поклоном, держа шапку в руке.

Тем временем подошли и Омельяненко с Савранским да Дудка с Крестовоздвиженским. Семинарист Дудка вылез вперед и тоже сунулся к Авксентию с рукой.

— Отойди! — оттолкнул его Омелько Корсак. — Не твой делегат!.. Посылай своего пану Грушевскому зад целовать!

Семинарист Дудка схватился за наган:

— Я здесь власть! А ты мне такие слова!..

Омелько Корсак тоже положил руку на револьвер за поясом.

Девчата завизжали, но Крестовоздвиженский Дудку, Велигура Корсака сразу развели подальше друг от друга.

Старый дед Маланчук тяжко вздохнул.

— А может, — зашамкал дед, — а может, не пойдешь, Авксентий, как-нибудь перетерпим?.. Дорога неблизкая, мороз, да и пожелают ли еще там с тобой говорить... с простым мужиком?

Дед Маланчук был среди тех, кто с самого начала отговаривал Авксентия от его затеи, и он попытался кинуть словцо и теперь, напоследок.

Но Авксентий покачал головой и надел шапку.

— Порешил я, дед,— промолвил Авксентий твердо, может, впервые в жизни говорил он так твердо и неколебимо.— Пойду! Либо правду добуду, либо загину... Пусть тогда моим костям земля будет пухом, где бы им, старым, ни полечь...

Бабы зашмыгали носами.

Сзади, посмеиваясь, подал голос Омельяненко:

— Авксентий Опанасович! А может, и вправду одумаетесь? Дурость на старости лет ударила вам в голову... Где ж это видано?.. А если, представьте, пожалуйста, да из всех сел всей российской земли попрутся к нему этакие делегаты? Что ж он, полагаете, так со всеми и беседовать будет?

Он ожидал, что, как всегда, люди отзовутся на его слова смехом, но никто не засмеялся.

— И будет! — твердо ответил Авксентий и надвинул шапку глубже на лоб.— И будет беседовать, чтоб ты знал! Потому как должен! Потому — народ!..— Он подумал минутку, прикинул в уме. Сколько же это, в самом деле, наберется народу, если пойдут делегаты со всех концов, и добавил рассудительно: — А сойдется много, пускай соберет всех гуртом, так бы сказать, на вече, селянский пленум такой,— Авксентий теперь уже не мог, чтоб не ввернуть какое-нибудь новое революционное словцо,— и пускай сделает резолюцию сразу для всех. А мы тихонько посидим да послушаем...

— Ну, смотрите...— Омельяненко сплюнул.

Мороз был такой хваткий, что плевок, падая, зазвенел уже льдинкой.

Софронова Домаха и Гречкина Ганна всхлипнули.

— Смотрите,— крикнул уже со злостью Омельяненко,— чтоб вам да на коленках не ползти от самого Петрограда в родное село! Как на отпущение грехов! А мы... мы не простим тогда, чтоб вы знали! Не будет вам нашего прощения, нет!

— Ну, ты! Буржуй! — гаркнул Омелько Корсак, бывший батрак, своему бывшему хозяину.— Сам поостерегись! И не смей народу такие контрреволюционные слова говорить! За пузом своим смотри!

Авксентий глянул с укором сперва на Омельяненко, потом и на Корсака. Революция!.. А грызутся люди, ссорятся, грозят друг другу. Разве ж это по-человечески? Разве так надо? Переменился свет, ох, переменился!..

А что переменилось, как и куда? Что будет и чего не будет? Какой людям на дальнейшую жизнь выйдет декрет? Кто скажет? Кто знает?.. Только он. Только он один. Другого, говорят люди, на свете, чтоб знал всю правду, нету...

Авксентий поклонился в пояс всем трижды, потом махнул рукой, отвернулся и пошел.

Меланья тоже пошла, держась за руку брата.

Авксентий решил идти за правдой, за настоящим законом о земле аж в Петроград, к самому Ленину.

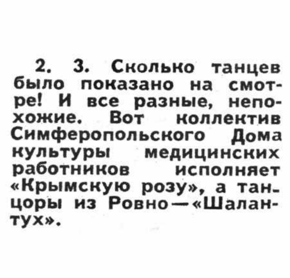
Перевели с украинского И. Карабутенко и А. Островский.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В этом концерте приняло участие два миллиона исполнителей. Правда, вопреки традиции он длился не один вечер, а много-много дней и проходил не в одном, а в сотнях концертных залов, больших и маленьких, в городах и селах. Концерт шел по всей Украине — ведь это был смотр-конкурс художественной самодеятельности республики, посвященный декаде украинской литературы и искусства в Москве.

ДВА МИЛЛИОНА ИСПО

1. «Лесная песня» в исполнении артистов народного театра Новоград-Волынского Дома культуры. Мавка — работница магазина Майя Сидорчук, Лесовик — мастер машиностроительного завода имени Сталина Юрий Афоничкин.



2. 3. Сколько танцев было показано на смотре! И все разные, непохожие. Вот коллектив Симферопольского Дома культуры медицинских работников исполняет «Крымскую розу», а танцоры из Ровно — «Шалантух».

4. Молодежный ансамбль песни и танца «Полесье» москвичи увидят на концерте во Дворце спорта в Лужниках. Он исполнит вокально-хореографическую сюиту «Льноводы».

5. Новоград-Волынская самодеятельность выступила в различных жанрах. Сатирики — сотрудник Дома культуры Григорий Рацько (слева) и Юрий Афоничкин.

ЛНИТЕЛЕЙ

6. Заводские цеха, школьные классы, университетские аудитории, колхозные фермы сменили они на сценические подмостки на время смотра.

7. Хореографический коллектив Харьковского Дома культуры железнодорожников исполняет танец «Жаворонок».

8. Народный хор Дома культуры Черниговской фабрики первичной обработки шерсти знает вся республика.

9. Поет «Полесье»...

Добрый гость

Из романа «ПОРА НАДЕЖД И СВЕРШЕНИЙ»

Натан РЫБАК

...В то весеннее утро 1949 года, когда жена впервые за многие недели оставила его одного и поехала взглянуть, что делается на даче, Федор Архипович занялся приведением в порядок вороха заметок и дневников.

Когда в смежной с кабинетом комнате зазвонил телефон, Федор Архипович мгновение колебался, подходить ли... Но потом быстро направился к телефону и снял трубку.

— Можно попросить товарища Шульгу? — услышал Федор Архипович.

— Я у телефона, — отозвался он, и в ту же минуту ему ответили:

— С вами будет говорить Никита Сергеевич Хрущев.

Федор Архипович беспокойно оглянулся, приложил трубку плотнее к уху. В тот же миг что-то легонько щелкнуло в ней.

«Переключают телефон», — догадался Федор Архипович, и сразу же послышался высокий голос секретаря ЦК партии:

— Поздравляю вас, товарищ Шульга, с выздоровлением. Здравствуйте!

Федор Архипович почувствовал, что Хрущев улыбается, и тоже улыбнулся, сказав:

— Здравствуйте, Никита Сергеевич, спасибо.

— Вам не трудно будет встретиться со мной? — спросил Хрущев и, не ожидая ответа, добавил: — Я мог бы приехать к вам. Если это вам удобно, то даже сейчас. Ну, скажем, минут через двадцать. Как вы считаете?

В один миг Федор Архипович вспомнил все, что рассказывал ему о своих встречах с Хрущевым Богомолец, и сердце его залила теплая волна благодарности.

— Буду весьма признателен, весьма рад буду, — хрипло проговорил Федор Архипович и услышал в ответ:

— Поверьте, и я не меньше. А если так, то будем считать, что договорились. До скорой встречи.

— До свидания, — с волнением проговорил Шульга и осторожно положил трубку на рычажок.

Он возвратился в кабинет и неторопливо опустился в кресло. Развернутые тетради и свертки таблиц были перед ним.

Сейчас в этих стенах появится человек, которому он может сказать все. Что именно, он знал хорошо. Но нужно постараться отбросить мелочное и второстепенное, суметь изложить самую суть. Удастся ли это ему? Вот если бы здесь была Надежда Яковлевна. И вздумалось же ей именно сегодня ехать на дачу!..

Похоже, что узел наконец развяжется. А вот те, кто завязал его... Но те уже не интересовали Федора Архиповича. Все это ничтожно. Через десять минут он выскажет все. Ведь не просто из любопытства — взглянуть на Шульгу — едет к нему человек, у которого не так уж много времени на посещения и разговоры посреди напряженного рабочего дня.

Прозвучал звонок, и Федор Архипович, широко ступая, пошел открыть дверь.

...Беседа началась просто, и через пять минут ледок напряженности растаял, согретый ласковой улыбкой гостя.

Никита Сергеевич, прищурив глаза, внимательно слушал Шульгу.

В эти минуты Федор Архипович забыл все обиды и оскорбления последних недель. Было радостно на душе, что он не поддался, выстоял, не отступил. Ученики продолжали исследования и добились успеха. Это — главное. Люди ждут от расщепленного атома добрых дел. И вот уже недалек день... Совсем недалек. Почему-то сейчас все обиды перестали быть для него значительными, и самое воспоминание о них только на миг досадной тенью омрачило лоб. Чего добивались интриганы? Разве он не понимал коварства их замыслов? Было бы преступлением перед самим собой говорить об этом сейчас с таким гостем.

Вот он сидит здесь, за столом, где не раз уже называли его имя, сидит и слушает, а в глазах у него то искреннее внимание, которое побуждает высказать все — самое важное, значительное. Достаточно было услышать первые слова гостя, и уже отстранились, стали пройденными горе, заботы, боль — все, что мучило сердце.

— Вы должны быть внимательнее к себе, — доброжелательно проговорил гость, спокойно и деловито, уже без улыбки, с тем же неослабным вниманием в глазах.

Федор Архипович почувствовал поток тепла, скрытого в этих словах. Так мог сказать человек, которому дорога его работа, его стремления, его здоровье.

— Слежу я, Федор Архипович, за вашими трудами. Многого вы добились. Понимаю, еще немало трудного впереди. Но мне известно, вы всю жизнь ищете трудное. Не соблазнить вас легкой победой. Этому-то и учил нас, большевиков, Ленин.

— Вы знаете, я беспартийный, — вырвалось почему-то у Федора Архиповича.

— А трудитесь, как коммунист.

Шульга перегнулся через стол. Широкие руки его лежали на скатерти. Чуть заметно вздрагивали кончики пальцев. Хотелось сказать: «Вот они, мои руки, честные руки, никогда не имели касательства к неправде, ничем не запятнали совести моей». Но Федор Архипович не сказал ни слова. Слова сейчас не были нужны. Ничего не нужно уточнять.

— Ученики у вас хорошие, Федор Архипович.

— Нелегко им приходится... Но они стойкие. Вот Максим Нерчин, — когда ему тяжело, сам себе приказывает: «Коммунисты, вперед!» Я эти слова не раз повторял...

Когда именно, Федор Архипович не сказал. Гость хорошо понимал, когда.

— Повторю их себе, спокойнее становится. Сердце ровнее бьется. Молодежь решительная, крепкая. Они выведут нас на орбиту таких побед, что весь мир ахнет...

Гость засмеялся.

— Ваша правда, у молодежи есть хватка. Но и мы с вами для них кое-что сделали, и еще предстоит сделать немало... Живем мы в мире, в котором не прекращается борьба. Побеждаем у себя внутри старое и враждебное, одновременно должны следить за тем, что замышляют наши недруги, мягко говоря... А о чем они думают, известно. Но недаром у нас на Украине говорят: «Дурень думкой богатеет». Хотя не считаю, что все они дураки. Только в основе у них глупая уверенность. Все, мол, у них есть, а вот мы, бесштанники, всего лишены. Размахивают над миром атомной бомбой, вопят: «Советы не получат ее еще двадцать лет...» Видели, чем запугивают нас?

Гость удивленно развел руками. Теперь уже улыбка его была не ласково-добродушная, а уничтожающе-строгая. Он как бы видел перед собой тех, кто угрожал человечеству новыми бедствиями и страданиями.

— Они уверены, что мы выступаем за запрещение атомного оружия только потому, что нет его у нас. И опять выходит по той же пословице: «Дурень думкой богатеет»... Болтают про сверхбомбы. Тянутся когтями к термоядерному оружию. У них цель одна: накинуть петлю на шею народам. А я думаю, уважаемый Федор Архипович, что человечеству нужно объяснить: лучший способ отстоять мир — мирно сосуществовать. Пускай в мирном соревновании двух миров ищут люди спасения от войн. Будущие поколения не простят нам, если мы откажемся от этой возможности. Теперь кое-кто из военных начинает понимать: война для них не сахар. Трезвеют опьяневшие от долларов головы. Настанет срок — еще больше протрезвеют.

Гость, как бы вспомнив что-то, недовольно покачал головой.

— Видите, как получается?! Ехал к вам, думал развеселить вас, а вышло не так.

— Хорошие слова ваши, правда в них великая и предостережение, — сказал Шульга. — Ядерная война — это самоубийство для народов.

— Коммунисты не могут допустить такой войны, — сказал тихо гость. — И вообще хватит войн. Хватит! За это мы будем бороться с обычным нашим мужеством.

— Великая цель. Вспоминаю, как много говорил об этом покойный Александр Александрович Богомолец.

— Душевный человек был. Народный. — Тень печали легла на лицо гостя. — Рано ушел от нас, мог бы жить. А вот сгорел. Видел сам, что горит, но не мог остановиться. Он за все болел. Уж вы мне поверьте. Он умел добиваться своего. Какую академию создал в республике нашей! Долголетие для людей хотел вырвать у природы. Обращался с нею, как большевик: ты уклоняешься от воли человека, а я тебя заставлю покориться!

— Рассказывал он мне не раз, как вы ему помогали, — сказал Шульга.

— А как спорили, не рассказывал? О, какие еще баталии бывали...— Никита Сергеевич кивнул головой, как бы подтверждая свои слова. — Умел он отстаивать свою точку зрения, а если ошибался, придет, скажет: ваша правда. А был неутомимого сердца человек. На фронт писал мне в первый год войны: воротимся в Киев, — понадобится для академии вдвое больше помещений. Вот как мыслил! О вас писал, как вы на заводы выезжали.

— Я вашу телеграмму тогда получил, — сказал Шульга, — она для меня была как праздник. Говорила о том, что и там, на фронте, помнят о нас.

— Иначе быть не могло, — с уверенностью проговорил гость. — Мы всегда и всюду едины были. Потому и победили. Разве теперь не так?

Федор Архипович взглянул в глаза гостю. Глаза смотрели на него пристально. Ждали.

— Всегда для меня это было только так. Только так, — повторил Шульга.

— А вот обидели вас. Тень кинута ничтожной рукой на чистое имя ваше.

Федор Архипович сделал протестующий жест.

— Нет, сказать об этом нужно. Но не для того, чтобы вы свою память засоряли этим, а чтобы знали: на всех действиях этих проходимцев поставлена точка. Скажете, может: хорошо, что меня знают люди, которые высокие посты занимают, а если с другим человеком такое несчастье случится, как ему быть? Уместный вопрос. Трудновато еще у нас с этим. А человек доверия требует. Раз ты сам себе хозяин, честь твоя и совесть в руках твоих. Проходимцев и врагов много. Но честных большинство, сила. Разве иначе могли бы мы построить такое государство? Не может человек жить в атмосфере подозрения. Не может.— Голос гостя окреп и полнился тревогой.— Придет время,— сказал он вдруг решительно,— придет непременно, и мы уничтожим созданную некоторыми людишками ядовитую атмосферу подозрений, взаимного недоверия. Этого не должно быть в обществе, которое строит коммунизм. Разве наше единодушие и верность Родине не испытаны самым тяжким испытанием?

Шульга понял: не к нему одному обращен вопрос. В эту минуту гость спрашивал многих. Говорил о том, что беспокоило, с чем не мирился, и Шульга почувствовал: не примирится никогда.

Какую-то минуту гость и хозяин молчали. Тихо было в комнате. Часы на стене отсчитывали секунды.

— Помолчали, как говорится, — снова начал гость. Он посмотрел на портрет Ленина на стене и задумчиво сказал: — Далеко видел Владимир Ильич. В его разуме — наша непобедимая сила. С ним мы и весь трудящийся мир всегда будем непобедимы.

И Шульга снова почувствовал: замечание это относилось уже к чему-то более значительному и важному, чем сказанное прежде. Волна благодарности снова заполнила его сердце.

— Вот вы нашли время, пришли ко мне, и все кончилось — сомнения, заботы. А мысль одна: скорей в лабораторию! Из Москвы пишут: скоро испытание реактора, новая фаза опытов на ускорителе. Так сейчас и встал бы — и за работу. И скажу вам по совести: уже понемногу работаю.

Никита Сергеевич, дружелюбно улыбаясь, погрозил пальцем.

— Я врачам вашим звонил, они говорят: нужно ему выключиться. Они категорически против того, чтобы вы сейчас работали... Хотя, по секрету скажу, понимаю вас. Болел я в прошлом году. Тоже запретили и думать о работе. Но разве это можно запретить? Говорят: выключиться. А как? Все тут у тебя, тут... — Гость указал на сердце. — Разве можно забыть, не думать? Тут какая-то неувязка с природой. Медицина должна искать другие пути, чтобы помочь человеку в этом вопросе. А если заговорили мы с вами о работе, то позвольте спросить, какие у вас планы в отношении атомной энергетики? Это нас очень интересует.

— Большие трудности стоят перед нами. Тепло взять у реактора мы сумеем, а вот... использовать его для турбин, обезопасить вредные стороны его — это вопрос трудный, хотя решить его мы должны.

— Люди наши должны лучше жить, Федор Архипович, — задумчиво заметил гость, — у них на это великие права, потому что сами их добыли и добывают. Ученые не должны этого забывать. Добро для людей, только добро. Кто лучше, чем мы, ленинцы, это понимает? — Подумав минуту, как бы перебирая что-то в памяти, Хрущев твердо проговорил: — Никто! И весь мир в этом убедится. Да, по сути, уж теперь видит.

— Вот я думаю,— тихо заговорил Шульга,— вы пришли ко мне. А могли не прийти. Разве без меня у вас мало забот? Представляю себе. А вот пришли. И нет у меня слов высказать вам, что у меня в сердце сейчас.

— Не мог я не прийти к вам. Может быть, раньше даже надо было встретиться с вами, вот так, дома. На заседаниях и совещаниях виделись, но этого мало. И вообще мы мало встречаемся. А надо! Советоваться надо, на людях проверять себя, глаз на глаз, как говорят наши гуцулы, «на четыре ока».

— Полагалось бы, по доброму обычаю, гостя как следует встретить, — смутился Шульга, — хозяйки нет, а из меня хозяин плохой... Врачи все, что покрепче чая, начисто вымели из хаты, но, может, чайку выпьем?

— Спасибо, охотно, — согласился Хрущев. — Только вам лишние хлопоты. Вы, пожалуй, и не знаете, где чайник стоит? В атомный век ученому не полагается быть забывчивым, — пошутил Никита Сергеевич.

...Чай уже был налит в стаканы, стояла вазочка с вареньем. Федор Архипович хозяйничал не очень умело. Пролил чай на скатерть. Гость сказал:

— Достанется нам от хозяйки, не любят они, когда беспорядок делаем.

— А может, простит на этот раз...— Шульга засмеялся.

Обновленная сила звенела в нем. Она рождала мысли, требовала деятельности, будила веру. Он говорил, сначала сдерживая себя, а потом и не заметил, как повысил голос.

Грядущее, завтрашнее отчетливо вырисовывалось перед его глазами. Люди должны жить лучше. Они будут жить так, как того заслужили своим трудом. Это право добыто. Великая правда заключена в этой мысли. Существует энергия более могучая, чем энергия ядра атома. Энергия человека — победителя сил природы. Энергия строителя новой жизни. Мысль добиться превращения атомной энергии в электрическую давно не дает ему покоя. Теперь, когда существуют атомные реакторы, есть все основания считать, что наши ученые и инженерные работники одержат эту победу раньше, чем кто-либо иной. Разве это не будет гордостью для всего человечества? Советская страна покажет исключительный пример того, как новое открытие науки служит человеку.

— Я уже вижу эти новые атомные электростанции. Они не требуют воздуха, они не дают ни дыма, ни пепла. Расходы ядерного горючего ничтожны. Я точно подсчитал: реактор атомной электростанции с электрической мощностью, равной мощности Днепрогэса, будет расходовать в сутки полтора килограмма урана. Котлы атомных электростанций могут быть применены для производства искусственного ядерного горючего... В Америке плутоний идет исключительно на производство атомных бомб. Между тем он может стать горючим для мирных дел. Сейчас, когда весь мир, затаив дыхание, следит за новыми шагами научного открытия, когда им пытаются шантажировать общество, советским ученым нельзя ни на минуту успокаиваться, пока они не докажут, какое благо несет человечеству это новое открытие, эта новая сила.

Гость слушал внимательно. И Шульга постепенно открывал ему свои давние мечты, осуществимые мечты, которые делали полноценными годы жизни. Непреодолимых трудностей не существовало. Достаточно только взглянуть на людей, которые идут в науку, на тех, кто уже работает на ее ниве, чтобы поверить в успех.

Когда-то, совсем недавно, его взволновало случайное наблюдение. На одном заседании в Москве он посмотрел на своих коллег и подумал: «Настоящий интернационал!» За одним столом сидели бок о бок русские, украинцы, армяне, евреи, татары, узбеки, казахи... Это было подлинное великое братство. Ему под силу все! Разве можно остановить такое единодушное, могучее движение творческой мысли? Она проникает в глубочайшие тайники природы, ищет, находит и, даже если ошибается, не оставляет своих намерений — искать снова и найти.

— Я всегда думаю о том, кто сумел разбудить в народах такие силы, призвать их к жизни, дать им крылья, разум, закалить волю...

— Партия, наша партия,— тихо, с гордостью в голосе заметил гость.— Ленинская партия.

— Ленин сказал: «Электрон неисчерпаем»,— дал материалистическое направление исканиям физики. Ваша правда: далеко видел он, и в этом наше счастье.

— И в том, что у нас такая армия ленинцев.

Гость задумчиво поглядел в окно и, как бы обращаясь к невидимым слушателям, сказал:

— За океаном одна только речь — о так называемой «позиции силы». Еще не высохла кровь на полях битв. Еще не зажили раны. Еще миллионы людей живут в нищете и горе, а они мечтают о новых войнах. А мы будем говорить с ними с позиции правды, и это самая прочная и самая устойчивая позиция.

— Не слишком привлекательно выглядит четвертый послевоенный год. Война идет во Вьетнаме, Малайе, Индонезии... Заключаются всякие пакты, на вывеске написано: «Оборона»,— читай на самом деле: «Война». Вы думаете об атомных электростанциях, и люди наши требуют от науки, чтобы она облегчила им жизнь, помогла победить болезни, дала им вдоволь света, тепла... А там дельцы подсчитывают, сколько людей можно уничтожить одной бомбой, и находятся ученые, которые, забыв честь и совесть, продают им свои знания, свой мозг... Таков мир сегодня, дорогой Федор Архипович! И мы должны изменить его, это долг ленинцев. Мы должны вселить веру в сердца тех, кто растерялся, должны отстаивать мир для народов. Так неужели мы не справимся с такой благородной задачей?

Гость помолчал немного, а потом со свойственной ему решительностью заключил:

— Справимся. Непременно справимся, имея на вооружении такую науку, как правда Ленина,— ленинизм.

— Великая правда, — взволнованно проговорил Федор Архипович.

— Посмотрите, как ширится движение за мир! Разве поджигатели войны могут не считаться с общественностью? Времена изменились. Разговоры о «железном занавесе» не могут обмануть совесть человечества. Слышал я, вас приглашают принять участие в Парижском конгрессе защиты мира. Это — благородное дело. Вы только посмотрите, как на фабриках, заводах, в колхозах ширится движение за мир, как решительно требуют запретить атомное оружие! Это очень важно. И главное, это не кампания, а воля народов, и она будет все больше расти и шириться. И она победит...

...И вот гость уже встает. Пора прощаться.

Федор Архипович с волнением пожимает его дружескую руку. Не хочется, чтобы он уходил, хотя Федор Архипович понимает всю наивность такого желания.

— Прошу вас, звоните и заходите. Но думаю, вам нужно хорошенько отдохнуть перед поездкой. Хотя настроение у вас, я вижу, не для отдыха...

Прищурив глаз, гость поглядел на Федора Архиповича и засмеялся.

— Угадали, — признался Федор Архипович, — хочу в лабораторию завтра. К тому же и в Москве дела не ждут. Сколько времени бездельничал! Но не моя вина... Не моя! — Голос Шульги дрогнул. Горечь обиды вспыхнула на миг и погасла.— Да что поминать...

— И забывать не надо. Не по священному писанию живем, — строго проговорил гость. — Забудешь — и глядь, снова попробуют взяться за старое. А бурьян нужно корчевать так, чтобы больше не рос. Будьте уверены, вас уже не побеспокоят. И все же советую вам хоть немного отдохнуть. Договорились?

Никита Сергеевич ждал ответа Шульги, не выпуская его руки.

— Договорились, Никита Сергеевич, — решительно сказал Федор Архипович. — Договорились, — взволнованно повторил он, крепко пожимая руку своему доброму гостю.

Перевел с украинского Борис Турганов.

Весенний гром

Остап ВИШНЯ

Рисунок Е. Горохова.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ЭТЮД В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

Действующие лица:

38 агрономов.
20 машинисток.
Старшая машинистка.
Начальник областного управления сельского хозяйства.
Заместитель начальника облуправления сельского хозяйства.

Сцена — большая комната. 20 агрономов диктуют. 20 машинисток печатают. 18 агрономов ждут очереди к машинисткам. Направо дверь, на которой написано: «Начальник облуправления сельского хозяйства. Неприемные дни шесть раз в неделю». Налево — кабинет заместителя начальника.

1

Восьмой агроном: Ездили в колхоз?
Двадцатый агроном: Ездил!
Восьмой агроном: Ну и что?
Двадцатый агроном: Ох, и борщ у председателя колхоза! Со сметаной! Да с какой сметаной! Вот борщ!
Восьмой агроном (вздыхает): Придется и мне поехать!

2

Третий агроном: Все-таки съездили?
Восемнадцатый агроном: Съездил!
Третий агроном: Как там дела?
Восемнадцатый агроном: Прекрасные! Кабана как раз закололи! Ох, и колбаса! А кишка какая! С пшенной кашей! Давно такой кишки не ел! Надо будет не забыть насчет проса! До чего же хорошая культура: в кишке — просто мечта!
Пятый агроном (включается в разговор): А я на свадьбу попал! Ну и погулял!
Третий агроном: Повезло вам, коллега!

3

Первый агроном: И когда уже тот академик Цицин с пыреем управится? Чтоб многолетние зерновые были!
Четвертый агроном: Так то же одна только пшеница! Если бы все зерновые были многолетние!
Первый агроном: О! Дай ему только за пшеницу ухватиться. Ты не знаешь Цицина! Все зерновые будут многолетние!
Четвертый агроном: Вот здорово будет!
Шестой агроном (подходит): Что зерновые? Вот если бы многолетнюю сахарную свеклу придумать!
Первый агроном: Трофим Денисович Лысенко над этим работает! Он еще не опубликовал, но это факт!
Шестой агроном: Ну как это можно! Свекла не пырейная пшеница: ты ее скосил, а корни остаются... Свеклу же ежегодно выкапывать надо!
Первый агроном: А ты знаешь, как Трофим Денисович решает эту проблему?
Шестой агроном: А как?
Первый агроном: А так! Ботва будет в земле, в почве, и будет служить вместо корня, а свекла сверху! Выкосил свеклу, а из ботвы на второй год снова свекла растет! Пока что, я слыхал, на пять лет проблему Трофим Денисович решил. Бьется над тем, чтоб на сто лет! Факт!
Все вместе: Вот здорово! Тогда сиди себе, пиши себе. Позвонил только в колхоз: «Растут?» — «Растут!» — «Ну, и пускай себе растут!»

4

Входит начальник облуправления сельского хозяйства.
Начальник: Сидите? Ой, хлопцы, я за вас возьмусь! Ой, возьмусь! Еще год, еще два, еще пять, а все-таки возьмусь! Ну, чего вы сидите? Ну, почему вы в колхозы не едете? Ну, что я с вами буду делать? (Плачет). Да опомнитесь же! (Рыдает).

5

Старшая машинистка (машинисткам): Девчата! Начальник облуправления плачет! Господи! А ну, давайте!
Хор машинисток (фортиссимо):

А уже весна,
А уже красна,
Со стрех вода капает,
Со стрех вода капает,
Со стре-е-ех вода капает.

Заместитель начальника облуправления выходит из кабинета и высоким-высоким тенором выводит:

...Со стре-е-ех вода ка-а-а-пает...

6

Внезапно сцену пронизывает ослепительная молния, и слышен страшный гром. За громом — дождь. Ливень.
Занавес быстро падает, чтобы дождь не замочил зрителей.

Конец.

Примечание для режиссера-постановщика. Гром тут — явление не только зрительно-декоративное, но и символическое. Так сказать, если агрономы не боятся начальника облуправления сельского хозяйства, то, может, грома испугаются. Этого при постановке не следует забывать.

Перевел с украинского
Е. Весенин.

1948 год.

Публикуется впервые

Домашнее воспитание

Александр КОВИНЬКА

Какая радость — наши дети! Веселая и звонкая радость! Утешаются, умиляются родители: чудесная смена растет.

Но, греха таить нечего, иногда родители неутешительной домашней науке деток обучают.

Начинается это обучение с маленького, игривого:

— Покажи маме фигу!..

— Учи, учи на свою голову! Иди-ка сюда, сыночек... Прыг... прыг... Не слушай папку, маму слушай... Мама — цаца, а папка — бяка... Плюнь на папку... Пырни папке в глаза... Вот дорогой сыночек, маменькин сыночек... Он уже умеет отцу в глаза шпынять. И маму шпыняешь?.. Ой, ой!.. Мама боится...

Игривое утешение заканчивается весьма неигриво:

— И в кого он, такой чертенок, уродился? Слышите, сегодня чуть глаз не выколол! Кто его научил? У нас такого и в роду не водилось!..

Отец и со своей стороны характеристику дополняет:

— То-то и оно... Корми его, учи его, а он, вишь, как приноровился в лицо плевать. Вот и жди от него добра. Это он только на ноги встал. А что из него выйдет, когда подрастет?

Иногда домашнее воспитание сочетают с рюмочкой.

— На, сынок, клюкни. Для примера хватани граммов двадцать.

— Вы видели, чему он детей обучает? В своем ли ты уме? Сам пьешь, гуляешь и еще сына приучаешь?

— Пей, сынок, пей. Это отец дает. Выпей!..

Сынок выпивает, морщится, чихает... Слезы из глаз бегут.

— Вот видишь, сынок, какое оно противное? Вот так и я страдаю. А мать думает, что я мед пью!..

«Веселая» наука кончается невесело.

— Ты еще молод отца учить! Привычку какую взял: дай, отец, на сто грамм! Молоко на губах не обсохло, а ему сто грамм! Я тебе таких сто грамм покажу — и в дверь не попадешь!

— Папаша! Давайте это дело замнем. Вы же меня сами учили: выпей, Васенька! А Васенька, какой разговор, пьет.

Вот тут полагалось бы и точку поставить. Не будем точку ставить. Пусть родители ставят. На то они и родители!

Благодарность

В. НЕМИРИЧ

Беспечным отпрыском своим
Родители довольны были,
Они носились всюду с ним,
Бездельником его растили.

— Нужны червонцы?
Получай!

— Нужна машина?
Есть машина!
Теперь же денег на трамвай
Не могут выпросить
у сына...

Перевел с украинского
Сергей Швецов.

Как Иван на соломинке спал

Ю. КРУГЛЯК

Иван, шатаясь, брел с гулянки как-то.
А дом далек... А в поле все темней...
Соломинку заметил среди тракта,
Разулся и улегся спать на ней.

Продрал глаза. Привстал. Все тело ныло.
Кряхтя от боли, молвил: «Ну и ну!
В соломинке — и то какая сила...
Что ж было б, кабы лег я на копну?!»

Перевел с украинского
В. Корчагин.

Степан ОЛЕЙНИК

Перед сменой

Взял шахтера под ручку писатель
И ему на ушко: шу-шу-шу...
Нормы три рубани, мол, приятель,
Сразу песнь о тебе напишу!

Будет все: и сценарий и пьеса...
Озарят тебя славы огни...
Это ж в наших с тобой интересах!
Постарайся, браток! Рубани!

Парень гостя измерил глазами
И ответил, помедлив чуть-чуть:
— Может быть, рубанете вы сами!
Вмиг про вас сочиним что-нибудь!

Рисунок Е. Ведерникова.

Свадьба не состоялась

Увивался за Галиной
(Из колхоза «Зори»)
Некий Гриць, детина длинный,
Служащий в конторе.

Каждый вечер из района
Мчал, крутя педали,
То с бутылочкой крюшона,
То с халвой для Гали...

Объявила всем друзьям уж
Галинина мамаша:
— Скоро свадьба! Скоро замуж
Выйдет Галя наша!..

Но ее, как говорится,
Подкузьмила дочка:
Пробрала, «отшила» Гриця —
И на этом точка.

— Галя, что ты! В чем причина?
Что в нем стало плохо?..
Зарумянилась дивчина,
Не сдержала вздоха:

— Мне сказали по секрету:
Твой, мол, ухажер-то,
Что ни лето (в двадцать лет-то!),
Ездит на курорты.

Все — в полях, а он — на пляже.
С ним связаться — кара!..
Пусть и не мечтает даже.
Мне такой не пара!

Перевел с украинского
Валентин Корчагин.

Рисунок Л. Самойлова.

Вечный огонь

Любовь ЗАБАШТА

Была Украина запекшейся раной,
Барвинок не смел зацвести на опушке,
От Леток до Лютежа слышались рано
Над светлым Днепром загремевшие пушки.

Ватутин с Хрущевым у берега слева
Смотрели на Киев, пылавший над кручей,
И хмурилось небо от правого гнева,
Рыдала дорога под пылью сыпучей.

От первого танка — победы начало.
Танкист Шолуденко, весь залитый кровью,
Скончался. Знамена понурились, алы,
И вечность стояла в его изголовье.

И сильно хотелось Никите Хрущеву
Обнять древний Киев, объятый пожаром,
Взглянуть на травы шелковистой обнову,
На красные маки в цветении яром.

Но был только пепел, и дым, и руины,
И образ Тараса, зовущего к бою,—
Приветствовал воина он, точно сына,
И воин с открытой стоял головою.

Здесь вечный огонь зажигал этот вечер,
И памятники воздвигались героям,
Дубовые листья ложились на плечи
Бойцов непокорных пред праведным боем.

И, если лишишься ты силы крылатой,
Подступит бесстрастье, душа обмелеет,—
Приди к безымянной могиле солдата,
Где вечный огонь, не сгорая, алеет.

Перевела с украинского
Вера Звягинцева.

Иван НЕХОДА

Влекут меня огни далекие
Ночной порой в краю степном...
Мечты-догадки зарождаются
В воображении моем.

Мигают огоньки
Под пологом
Родных небес.
Их пламень чист...
Кто их зажег? Чабан, геолог ли
Иль запоздалый тракторист?

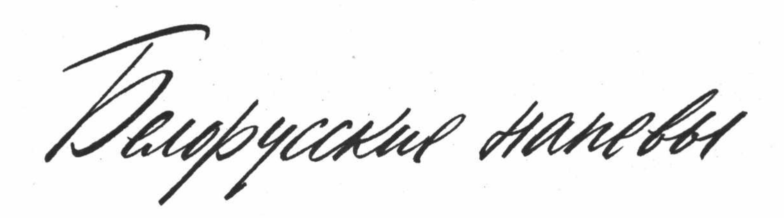
Иль над копрами звезды алые
Призывно расцвели во мгле?..

О, сколько, сколько загорается
Огней в ночи по всей земле!

Мигают огоньки приветливо
Вдали... И хочется сейчас
Пойти туда, в просторы синие,
На свет огней, зовущих нас...

Люблю пути непроторенные,
Что не известны, не легки.
Люблю огни,
В степи зажженные, —
Людских мечтаний светляки!

Перевел с украинского
Павел Железнов.



Микола НАГНИБЕДА

Вот уж гуси летят

Лебединой усталою стаей куда-то
Вниз по мартовской Нарочи тронулся лед...
И смолою запахла рыбацкая хата,
И рыбачка заплату на парус кладет.

Чинит сети рыбак и, припомнив подругу,
Открывается первою песней весне.
А у озера сосны, забывшие вьюгу,
Задремали на солнце и шепчут во сне.

Вот уж гуси летят,
стайка сереньких точек,
Вот весну разглядел
на пригорке цветочек.

Вот уж думу мою два весла золотые
По оттаявшей Нарочи мчат в челноке,
И рыбацкий костер, загоревшись впервые,
Освещает дорогу мою вдалеке.

Может,— «В путь!» — мне и вправду
дороги кричат.
Вот уж гуси летят,
Вот уж гуси летят...

* * *

Это явь, это явь
Или вещие сны —
Надо мною зеленые крылья сосны,

То ли темные пущи твои, Беларусь,
То ли белые руки, — сказать не берусь.

Я лежу на земле, и послышалось мне —
Кто-то шепчет и шепчет в земной глубине:
— Ты, приезжий, меня полюбил, не перечь,
Оставайся, любовь я сумею сберечь.

И, склонившись, руками сосна обняла...
То сосна или ты на опушке была?
Ведь, как платье твое, лиловели кусты,
Колокольчики так же звенели, как ты.

Мак алел, как уста,
И у края земли
Рожью косы твои разметались вдали...
Нет, конечно, тебя
Я видал не во сне,
Припадая к земле, полюбившейся мне.

И тогда через реки и тысячи нив
Я услышал моей Украины призыв,
Но ко мне протянулась от пущи струна.
Еду, еду далёко — не рвется она.

Еду, еду — она и за далью звонка...
Беларусь, Беларусь, ты навеки близка!

Перевел с украинского
Дмитрий Седых.

«СЕКРЕТ» БЭЛЫ РУДЕНКО

Павел **КРАВЧЕНКО**

Вот что рассказывает Михаил Степанович Гришко:

— Выходя с концерта Бэлы Руденко, я услышал чью-то реплику: «Откуда у совсем молодой певицы такая высокая музыкальная культура, благородство исполнения, хорошая уверенность в себе? В чем ее секрет?»

И Гришко раздумывает:

— Большинство ответило бы: талант!

А я бы обязательно добавил к этому: да, конечно, талант, но и...

* * *

Чтобы понять эти раздумья народного артиста, надо вспомнить предвоенный Боково-Антрацит, где в семье шахтера родилась Бэла Руденко, нужно вспомнить Сталинград с рвущимися над ним бомбами, где Бэла пошла в первый класс школы, мать работала в военном госпитале... Надо представить себе и эшелоны с эвакуированными, медленно движущиеся в Среднюю Азию. В одном из этих эшелонов — маленькая Бэла, но уже без матери: мать — медицинская сестра — с военным госпиталем передвигается по фронтам. Затем — Фергана: молодые деревца на улицах и школа, где темноглазые мальчики, как и во многих школах мира, пытаются обмакнуть в чернила косички девочек...

Военные годы! Жесткие пайки и госпиталь в Фергане, куда тимуровцы ходят помогать сестрам и нянечкам и срывающимися голосами поют перед ранеными «взрослые песни» — «Синий платочек», «Прощай, любимый город»...

Здесь и начались первые сольные выступления будущей певицы Бэлы Руденко. И впервые она увидела, какое впечатление на людей производит песня.

В 1944 году товарный поезд из Ферганы тронулся на Украину. На некоторых станциях стояли по целой неделе. Через месяц добрались до города Сумы, где Бэлу ждала мать, раненная на фронте.

У Бэлы было теперь много друзей. Мать заведовала домом детей погибших партизан. По вечерам здесь пели грустные украинские песни, и мать тихонько подпевала, глядя вдаль и видя там что-то свое, неизвестное детям.

А когда здоровье ее стало хуже, пришлось переехать в 1948 году на юг, в Одессу. Вскоре жюри областной олимпиады рекомендовало десятиклассницу Бэлу в консерваторию.

Консерватория в Одессе... Из этого скромного на вид здания когда-то вышли в широкий музыкальный мир Д. Ойстрах, Э. Гилельс, К. Данькевич, Я. Зак, М. Гришко, А. Кривченя...

Робела... Порог консерватории переступали обычно выпускники музыкальных училищ и школ. Ох, как мало было одной лишь рекомендации с олимпиады! Экзамены предстоят по теории музыки, истории музыки, сольфеджио... Ничего этого Бэла пока не ведала. За плечами только аттестат зрелости. А на подготовку оставалось всего два месяца. Закусила губы, решила: сдам.

И сдала все на пятерки. Вот что можно сделать за два месяца.

Никогда Бэла не боялась работы, но, бывало, просто руки опускались: не выходит какой-то пассаж, и кажется, ничего уже с этим не сделаешь. Не выходят какие-то фиоритуры. Только дойдешь до определенного такта — стоп! Следующий такт уже «не берется». Снова надо заниматься дыханием.

— Мне повезло,— рассказывала Бэла,— что у меня был такой преподаватель, как Ольга Николаевна. Работа профессора консерватории похожа на работу скульптора. От глыбы мрамора надо отсечь все лишнее. Отойдут и какие-то куски «с интересными прожилками». Студентам, правда, часто кажется, что вот эти куски, которые отсекает профессор,— самое нужное, самое лучшее. Например, думается: поешь громко, звонко и в этом — главное твое достоинство. А потом узнаешь, что самое важное — точная доза дыхания: возьмешь больше дыхания — голос хуже, а меньше — и вдруг голос начинает звучать чище, и, главное, красивее и полнее.

Нет единого рецепта для всех певцов. И перед профессором Ольгой Николаевной Благовидовой все время тоже вставали проблемы: что именно нужно сейчас Бэле, какие композиторы, какой стиль — виртуозный или лирический... Она заставляла ее петь Моцарта. В музыке Моцарта Бэла видела много светлого, наивного, но и глубокого, в этой музыке было много юности и чистоты.

Моцарт помогал Бэле справляться с ее голосом. «Хитрая» Ольга Николаевна знала, что делала, давая ей Моцарта, Шумана, Шуберта, «Колыбельную песню» Чайковского, потом Даргомыжского и Глинку.

И вот — четвертый курс. Уже становится под силу виртуозное исполнение. Студенты консерватории ставят «Севильского цирюльника». Бэла ведет партию Розины. Первая блестящая удача. После спектакля как много роз посыпалось на Розину! Поздравляли товарищи, подруги, преподаватели... Это были самые первые, самые дорогие цветы!

После этого Бэлу Руденко пригласили в одесскую оперу. А когда она закончила консерваторию, то поступило назначение в оперу киевскую. Дебютировала она в «Риголетто» Верди, исполняла партию Джильды. Спектакль транслировался по радио, телевидению. Киевские любители музыки поздравляли друг друга с обретением нового блестящего таланта. Красивый, задушевный, звонкий и чистый голос — колоратурное сопрано — находил все новых и новых ценителей.

Все в том же 1956 году, когда Бэла закончила консерваторию, после дебюта в Киеве она вылетела в Варшаву.

«Не знаю, найдется ли человек,— писал корреспондент одной из варшавских газет,— которого не пленило бы соловьиное пение Бэлы Руденко, Бэлы, которую один из присутствующих так и назвал «соловьем из вишневых садов Украины».

С соловьем Бэлу сравнивали многие.

И только она сама, преподаватели и товарищи знали, каким огромным, прямо беспощадным трудом давалась ей выработка этой почти прозрачной легкости и непринужденности пения.

На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в Большом зале консерватории были развешаны грозные таблицы: «Во вре́мя хода конкурса аплодисменты абсолютно запрещены». Председателем жюри был знаменитый итальянский певец Тито Скипа. И здесь случилось небывалое.

После того, как Бэла Руденко исполнила арию Снегурочки и «Тему с вариациями» Проха, председатель жюри вскочил с места и, сам нарушив установленный строжайший запрет, бурно зааплодировал.

— Я давно не слышал ничего подобного! — восторженно оправдывался он.

Тито Скипа лично вручил молодой украинской певице золотую медаль победительницы конкурса вокалистов и предложил выступить с ним вместе в его сольных концертах в Москве, Ленинграде, Риге.

Франция. Тулуза — город песен и фиалок. Сюда собрались двести лучших певцов со всего мира. Шел международный конкурс вокалистов. Какой-то религиозный праздник шумел на улицах. Женщины ходили в огромных диковинных шляпах, в передниках, расшитых фиалками. Мягкая осень. Желтый, оранжевый, красный пожар листвы на бульварах, вечерние отблески в узких окнах домов.

Двести лучших певцов! Зажмуриться можно от страха!

Первый тур — в театре «Капитоль». Этот тур закрытый. Чтобы судьи были полностью беспристрастны, они не видят певцов, не знают их фамилий, не знают, какую страну представляет певец: все произведения исполняются на том языке, на котором были написаны. Судьи знают лишь номера. По жеребьевке Бэла вынимает номер тридцать седьмой.

Пустой зал. Шестнадцать членов жюри отгорожены от сцены занавесом.

Номер первый... Второй... Третий... Исполняет певец несколько первых тактов, из-за занавеса вдруг мягкий голос:

— Мерси!

Это значит: «Все. Можете быть свободны. Не подхо́дите».

Состояние певца, ожидающего очереди, легко представить. Перед Бэлой певцы один за другим получают «мерси».

...Номер тридцать седьмой!

Бэла поет по-французски, по-русски. За занавесом молчат. Слушают.

Второй тур. Из ста двадцати певиц восемнадцать отобранных поют при переполненном зале. Обе певицы Советского Союза, Галина Олейниченко и Бэла Руденко, воспитанницы одной и той же консерватории, участвуют в этом туре. В зале движение, зал впервые слышит советских певиц, никогда еще они не принимали участия в таком конкурсе. Бэла поет по-украински, по-немецки, по-итальянски... Звонко несется над древним французским городом украинская песня «Соловейко».

К третьему туру осталось семь певиц. Этот тур — с оркестром.

Первую премию конкурса получает Галина Олейниченко, вторую — румынка Тодора Лукачу, третью — молоденькая Бэла Руденко. Мэр города Тулузы Раймонд Бадью вручает ей почетный диплом лауреата и золотую медаль от города Марселя.

А потом в Париже во дворце Шайо ассоциация «Франция — СССР» открыла месячник франко-советской дружбы выступлениями известных певиц Галины Олейниченко и Бэлы Руденко. Их засыпали цветами, их встречали на улицах, обнимали незнакомые люди...

Казалось бы, все. Можно поставить точку. Нет. Мы не случайно начали эту запись о Бэле Руденко словами народного артиста СССР Михаила Степановича Гришко. Закончил он свою мысль так:

— Талант? Да, конечно, талант. Но я обязательно бы добавил к этому: и труд. Я слышал Бэлу Руденко года три назад в Одессе. Она исполняла ту же арию Царицы ночи, что и сегодня. Какая разница! Артистка работает. Умеет очень много и без устали работать. С любовью и охотой! В этом, я думаю, и ее «секрет».

За это время Бэла спела Верди: Джильду в «Риголетто», Виолетту в «Травиате», пажа Оскара в «Бале-маскараде»; в «Севильском цирюльнике» Россини — Розину, в «Войне и мире» Прокофьева — Наташу Ростову, в «Милане» Георгия Майбороды — партию Иолан, в «Первой весне» Жуковского — Стасю, в «Энеиде» Лысенко — Венеру.

Сегодня она гостья Москвы. Киевский театр оперы и балета имени Т. Г. Шевченко впервые показывает москвичам оперу Георгия Майбороды «Арсенал». Бэла Руденко исполняет партию Ярины. Посмотрите, сравните с ее прежними ролями. Вы увидите, как замечательно совершенствуется от роли к роли чудесное мастерство молодой певицы!

Бэла РУДЕНКО.

Павло Тычина.

Музыка времени

В Гослитиздате вышли в свет «Сочинения в двух томах» Павло Тычины. Это наиболее полное издание произведений крупнейшего поэта Советской Украины. Двухтомник снабжен обстоятельной статьей академика А. И. Белецкого. В новом издании впервые публикуются некоторые ранние стихи Тычины, найденные в архиве М. Коцюбинского, наиболее полно представлен эпос Тычины (отрывки из философской поэмы о Сковороде, из «Сабли Котовского»).

Поэзией революционного Возрождения можно назвать творчество Тычины. В музыкальных образах раскрывает поэт широту, радость и многоцветность новой жизни. Языку поэта, языку мужественному и нежному, доступно выражение любого человеческого чувства. Вот уж о ком действительно можно сказать, что Родина предстает в его поэзии, «украинскою мягкой мовой раскрываясь и шелестя» (Асеев).

...В одном стихотворении Платона Воронько рассказывалось, как в послевоенной Полтаве, превращенной фашистами в развалины, в полусожженном бараке впервые после долгого молчания прозвенел звонок. Учительница предложила детям прочитать стихи. И тогда встал мальчонка в черной рубашке, облегавшей худенькие плечи, и прочитал стихи Тычины: «Я есть народ, якого Правди сила ніким звойована ще не була...», что в русском переводе значит: «Да, я народ, чьей светлой Правды сила вовек не покорится силе зла». Бледные маленькие полтавчане слушали эти стихи, полные гордости за свою Родину.

Григорий ЛЕЗИН

Иван Выргань.

На крутом берегу

Поэма о современниках Ивана Выргана «Матвеевка над Сулой», написанная сочным, пахучим народным языком, вызвала немало споров в украинской критике.

Совсем недавно в «Письме Ивану Выргану», напечатанном в журнале «Прапор», Максим Рыльский писал: «Ваша книга «В разгаре лета» принесла мне свежую радость. Радость не неожиданную, конечно: Вы знаете, что я давно люблю Ваше творчество. Мне захотелось с Вами поговорить — так, словно Вы сидите здесь со мной рядом, в саду, под липою, которую благословил когда-то на цветенье влюбленный в жизнь, в красоту, в человека Александр Довженко.

И Вы любите жизнь, красоту, человека, доброе и красивое в человеке...

«Матвеевку над Сулой» я назвал своей любимой вещью и охотно это повторяю. В этой небольшой поэме, или, лучше сказать, стихотворном рассказе, или даже стихотворном разговоре с читателем сконденсированы, собраны в один прехороший букет все черты новой, советской, социалистической жизни, которую Вы так искренне и так глубоко любите, милый мой поэт...»

Так сказал Рыльский о поэзии Ивана Выргана. Автору «Матвеевки над Сулой» довелось на своем веку услышать немало упреков от любителей дистиллированной воды в поэзии. Но на всю жизнь сохранилась в поэте сыновняя любовь к искрящемуся народному слову. Об этом нужно писать стихами:

Я вижу, как, с трудом
осилив робость,
Стыдясь острот
прилизанных мещан,
В поэзию пришел
полтавский хлопец
С простым и звучным
именем — Иван.
Ну что ему эстетская
гримаса,
Когда он песни матери
любил,
Когда он помнил боль
и гнев Тараса,
Когда из родников он
воду пил!
Краснели вишни.
И дожди звенели.
А к рубежу тайком
ползли враги.
Он вместе с нами
не снимал шинели,
И не одни разбил он
сапоги.

Жизнь превзошла смелые мечты Выргана. Его поэма, устремленная в будущее, стала теперь произведением, можно сказать, исторического. Нет больше прежней Матвеевки. А есть новый колхозный поселок Клищинцы.

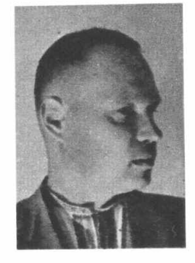
Иван Выргань скромен и строг к себе. Его стихи и поэмы отлеживаются в рабочем столе годами. До сих пор опубликованы лишь отрывки поэм о Каховке и о новом селе. Поэт чувствует себя в долгу перед земляками. Вижу я Ивана Выргана среди них. В расцвете сил стоит он на новом берегу.

Он не забыл о вас,
односельчане.
Блокнот и хлеб в дорогу
он берет.
Не надо никаких особых
званий,
Чтоб сердцем понимать
родной народ.
Вот путник
с хлеборобскими усами
Выходит в степь, шагает,
как солдат.
Подсолнухи ему кивают
сами,
И жаворонки радостно
звенят.
Он к славе не привык —
ему неловко...
Ему писать, писать бы
сотню лет!
Есть степь. Есть Днепр.
Есть звезды над Каховкой.
И есть Иван Выргань —
большой поэт.

Впрочем, Выргань не только поэт. Несколько лет Выргань вместе с Марией Пилинской работает над «Русско-украинским фразеологическим словарем». Работает самозабвенно. Нужно перечитать всю украинскую литературу, перебрать самоцветы народного творчества, чтобы найти подходящие примеры.

А Иван Выргань еще успевает прочесть стихи молодых, направить их первые шаги. Что ж, в этом есть своя закономерность: сын народа хочет выполнить свой долг перед людьми.

Владимир ФЕДОРОВ



Михайло Стельмах.

Снова зовет современность

«Я родился на черной земле моих отцов; хлебопашеская, Октябрем согретая судьба с детства стала и моею судьбою; я вырастал из колоса, из земли, пахал, засевал ее и умирал за нее; потому всей страстью и всей любовью, каждой каплей своего духа буду воспевать нашу мать-землю, ибо хочу видеть ее в несказанном цветении и в щедрости людского счастья, ибо хочу слышать повсюду на ней добрую песню и сердечный смех, ибо хочу видеть на ней бессмертный венец солнца, а не смертоносную злобу расщепленного атома».

В этих словах — заветная мысль Михайла Стельмаха, рассказавшего о прекрасной и суровой истории народа Украины.

Не сразу пришел Стельмах к такому масштабному замыслу. Десять лет назад, когда появился роман «Большая родня», едва ли кто предполагал, что молодой писатель перепашет громадные пласты истории. Но уже через несколько лет Стельмаха перестали называть молодым. И это очень знаменательно: его дарование быстро созревало и крепло.

Михайло Стельмах начал свою трилогию не совсем обычно — с конца. «Большая родня», удостоенная Сталинской премии в 1951 году, посвящена коллективизации на Украине, переделке крестьянского сознания в дружном колхозном труде. Вслед за этим появилась «Кровь людская не водица» — о том, как на Подольщине по Бугу вчерашние «невольники земли» с оружием в руках завоевали свободу. Лаконичное повествование о жестоких боях за землю потрясло читателей большой человеческой правдой, проникновенным писательским словом в защиту гуманизма и справедливости. Кровавая драма, разыгравшаяся на украинской земле, показана Стельмахом как рождение нового, светлого мира, в муках и борьбе утверждающего свое право.

Революция 1905 года и предшествовавшее ей десятилетие — таковы временные рамки нового романа «Хлеб и соль», вышедшего недавно отдельной книгой. Еще один поворотный этап в жизни украинского народа — Пятый год — в центре внимания писателя. Именно там он увидел начало памятных событий, отмеченных двумя датами: 1917 год и 1929 год. Полвека жизни великого народа художественно осмыслены в трилогии Стельмаха. Это не только успех украинской, но и всей советской прозы.

Стихия Стельмаха — лирическое повествование, проникнутое высокими романтическими думами. Здесь много от национального украинского характера, с его душевностью и мягкостью. Шевченко записал однажды в дневнике, что в Малороссии «бедный, неулыбающийся мужик окутал себя великолепною вечно улыбающеюся природою и поет свою унылую, задушевную песню в надежде на лучшее существование».

Вот этот бедный, неулыбающийся мужик и великолепная, вечно улыбающаяся природа... Контраст между прекрасной землей, жаждущей крестьянских рук, и рабской жизнью вечных тружеников этой земли составляет эмоциональную атмосферу романа, она объединяет многие сцены, десятки героев, сотни страниц. Мы редко обращаем внимание на эмоциональную окраску крупных жанров прозы. Такая окраска легко создается в рассказе, небольшой повести и гораздо труднее — в крупном романе, эпопее. А между тем определенный эмоциональный «настрой» не формальная задача, он становится важным содержательным компонентом произведения. Тот или иной «настрой» определяет и нужный словесный рисунок, словесный ритм, и помогает решить сквозную сверхзадачу, говоря словами Станиславского, которую — каждый раз по-особому — ставит перед собой автор.

В «Большой родне» эмоциональная настроенность создана счастливым соответствием освобожденного труда и радостной земли, стирающей межевые морщины.

Совершенно другой эмоциональный ключ в «Крови людской...». Борьба, развернувшаяся на весенней земле, потребовала многих человеческих жертв, иногда по ошибке, иногда по чьей-то злой воле, а иногда по недоразумению. Гуманистический пафос «Крови людской» в том и состоит, что автор «сострадает» вместе с народом, горячо желая ему счастья.

Иначе построен роман «Хлеб и соль». Медвинские мужики еще не догадываются, что земля может принадлежать им. Постепенно назревавший крестьянский бунт 1905 года окончился неудачей; но он не прошел даром: вчерашние рабы стали борцами. Как человек по капле выдавливает из себя раба — об этом роман «Хлеб и соль». Люди впервые почувствовали себя хозяевами земли, пусть на один день, но хозяевами. Для них чувство обладания землей ни с чем несравнимо. Однажды узнав его, они уже не согнутся. Судьба Марьяна Поляруша особенно убедительна. Вся его убогая, однообразная жизнь доказывает правоту стельмаховских слов о том, что, ежели мужицкий хлеб покрепче сдавить, из него кровь потечет.

Батрак-поденщик, громадной силы человек, Марьян нежно, целомудренно любит Фросину, с которой за семь лет ни разу не поссорился. Незабываемы страницы, описывающие, как в крепчайший мороз Марьян несет на себе гроб с Фросиной, чтобы похоронить ее в родных местах. Стоило ли ехать куда-то в Сибирь за счастьем?

Большой, добрый Марьян в революционные дни становится комитетчиком. В октябре Пятого года медвинцы разделили помещичью землю, и Марьян получил свой надел. «И вот извечная твоя надежда — твоя земля — лежит перед тобой и чуть звенит потемневшим жнивьем. Лучшей музыки никогда не слыхал Марьян. И в церкви пасхальные хоры не восхищали его, как шелест жнивья: эта земля беседовала с ним, широко в оба конца разматывала полотно его жизни — то, что было, и то, что будет...»

И даже после кровавой расправы с восставшими крестьянами Марьян Поляруш не согнулся, хотя драгунская сабля покалечила ему руку. Зимней лунной ночью он выходит с косой на занесенное снегом поле. Марьян Поляруш — уже не раб, а человек. «...Нуждою мучимый, громом битый, железом рубанный, косарь косил снежное поле, и всякий раз являлась ему вдали, у самого горизонта, иная, не скованная холодом земля...»

Поистине символичен этот финал романа. Он тем более обоснован, что последующие две книги трилогии уже написаны. Трагедийный пафос «Хлеба и соли» подчеркивает исторический оптимизм «Крови людской», и оба романа вместе помогают глубже понять смысл великих событий, изображенных в романе «Большая родня».

Эпопея, раскрывающая путь украинского народа к социализму, завершена. Десятилетнее путешествие Михайла Стельмаха в историю родного народа закончилось успешно: на столе лежат три романа. Каждый из них написан взволнованным художником. Наша современность снова зовет к себе Михайла Стельмаха, который не признает писательского слова без страсти, романтики, без эпической глубины и лирического озарения.

В. ВОРОНОВ

Михайло Стельмах. Хлеб и соль. Роман. Изд-во «Советский писатель». 1960. 744 стр.

На вкладке:

Балет В. Гомоляки «Черное золото» показывает на декаде Украинский академический театр оперы и балета имени Т. Шевченко.

Москвичи познакомятся с новыми работами украинских театров. «Первая весна» в Киевском театре имени Т. Шевченко. Л. Руденко — Варька и Д. Гнатюк — Павло.

Премьера Киевского Украинского академического драматического театра имени И. Франко комедия А. Корнейчука «Над Днепром». Артист Н. Пишванов в роли Сома.

В ТАКИЕ МИНУТЫ, КАК ЭТА...

Рассказ

Фрэнк ХАРДИ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Под пристальным оком полиции, которая была настороже, но, по-видимому, не имела приказа о решительных действиях, демонстранты начали строиться в колонну. Единственный духовой оркестр заиграл военный марш, фланговые с красными повязками выравнивали ряды безработных. Потом оркестр двинулся вперед под аккомпанемент беспорядочно шаркающих ног.

— Пошли, Эрни, — произнес Дарки, поднимая свою скатку.

Эрни Лайл встал рядом с Дарки в колонну. Он уже не боялся, он просто устал и был немного растерян. Он заметил, что у демонстрантов сейчас больше решительности, чем утром. Вскоре колонна растянулась вдоль Рассел-стрит, голова ее скрылась за поворотом на Бурк-стрит. Оркестра уже не было слышно, а разбросанные по рядам губные гармоники плохо помогали непривычным к маршировке людям идти в ногу. Развернулись знамена, появилось несколько красных флагов.

Среди демонстрантов были и женщины. Одна шла впереди Эрни, катя перед собой коляску с младенцем; ребенок тихонько хныкал, потирая ручонками щеки. Кулачки его казались совсем синими.

Подкатило несколько черных машин, битком набитых полицией. Потом они ушли, очевидно, решив преградить путь демонстрации в другом месте.

Организаторы сновали между рядами, отсчитывая шаг, подбадривая демонстрантов, уговаривая их петь:

— Давайте, ребята, живее шевелите ногами! Левой, правой! Левой, правой! А ну-ка «Солидарность во веки веков»!

Дарки хриплым голосом подхватил песню. Но он ужасно фальшивил, только припев ему удавался. Эрни тоже попробовал подтягивать, но голос у него был слабый, и его смущали люди, которые столпились на тротуарах и с любопытством, сожалением, презрением или сочувствием следили за марширующими.

Вдруг ряды начали сжиматься, как гармоника. Кто-то впереди крикнул, что полиция оттесняет демонстрантов к тротуарам.

— Жена была права, — словно думая вслух, произнес Эрни. — Они дадут нам жару сегодня!

Низенький сосед справа сказал просто:

— Они набросились на нас с дубинками и в прошлый раз. Сегодня у меня шляпа набита бумагой...

Колонна опять двинулась вперед. Эрни сбоку взглянул на Дарки, который шел со скаткой через плечо, высоко подняв голову, размахивая руками, увлеченный песней, хотя мотив он безбожно перевирал. «Ему все это по-настоящему нравится», — подумал Эрни, стараясь идти в ногу.

У Бурк-стрит произошла остановка. Один из распорядителей предупредил демонстрантов: когда колонна подойдет к зданию парламента, придется подождать в сквере, чтобы не задерживать уличного движения.

— Не надо давать полицейским повод напасть на нас, — добавил он, и Эрни узнал в говорившем Куина, с которым он и Дарки завтракали утром. — Наши делегаты потребуют встречи с премьером и министром социального обеспечения. Потом они расскажут все участникам демонстрации здесь же, в сквере. Эй, как ты там? — закончил он, заметив Дарки.

— Никогда не чувствовал себя лучше, друг,— ответил Дарки.

Ряды снова двинулись вперед. На тротуарах было много народа. Слышались приветственные возгласы и враждебные выкрики; демонстранты, тяжело ступая, поднимались в гору. Они распевали рабочие песни, грустные, но полные вызова.

Когда Дарки и Эрни подошли к концу Бурк-стрит, колонна снова остановилась. На перекрестке Спринг-стрит кишели люди, они стояли на ступеньках здания парламента, толпились в сквере. Воздух был словно насыщен электричеством. Становилось ясно, что столкновение неизбежно. Всюду шныряли полицейские, некоторые с дубинками наготове.

Распорядители сновали среди демонстрантов, взволнованно выкрикивая:

— Идите в сквер! Не стойте здесь! Двигайтесь, товарищи! Они могут наброситься на нас!

Огромный неопрятный человек, тот самый, который раньше возмутился предложением отправиться позавтракать, начал задирать группу полицейских, стоявшую неподалеку.

— Вы что-то не очень резвые сегодня, легавые! — насмешливо бросил он. — Мы вас в клочья разорвем, только попробуйте пустить в ход дубинки!

Молодой полицейский поднял дубинку, чтобы ударить обидчика по голове. Сержант подскочил к нему и выбил дубинку из рук.

— Ты что, умник? Хочешь, чтобы нас избили насмерть?

Дарки протолкался поближе. Эрни схватил его за рукав.

— Пошли, Дарки, в сквер.

Дарки неохотно повиновался. Они стали пробираться через толпу. Где-то впереди началась драка, слышались крики.

— Проходите, проходите, — распоряжался полицейский сержант. — Вы задерживаете движение.

Размахивая дубинками, полицейские начали оттеснять демонстрантов назад. Двое схватили Дарки: «Проходи!» Дарки высвободился и вызывающе встал перед ними.

— Мы как раз идем туда, в сквер. Руки прочь!

Вблизи вспыхнула потасовка. Возбуждение толпы росло: одни стремились влезть в драку, другие — выбраться с поля сражения.

Удары дубинок посыпались на головы и плечи. Где-то вскрикнула женщина.

— Пошли, Дарки! — завопил Эрни, одержимый желанием бежать отсюда как можно скорее.

Прежде чем Дарки успел ответить, дубинка обрушилась ему на шею, и он упал на землю. Скатка слетела с его плеча и сразу же была затоптана ногами. Дарки кое-как поднялся. Двое полицейских схватили его, но он отшвырнул их в сторону, намереваясь посчитаться с ударившим его полицейским.

Толпа наливалась гневом, раздавались угрожающие крики, свист. Полицейские в мундирах и в штатском начали хватать демонстрантов и заталкивать их в три крытых грузовика, стоявших у обочины тротуара. Эрни почувствовал, как его ноги отрываются от земли. Он побледнел и стал отчаянно вырываться. Двое полицейских швырнули его в грузовик на лежавших там людей. Из карманов Эрни посыпались на мостовую мятные леденцы. Краем глаза он увидел Дарки, дравшегося, как лев, с пятью облепившими его полицейскими.

Машина, в которую бросили Эрни, тронулась. Всю дорогу вокруг него шел разговор, но Эрни не мог сказать ни слова, не мог думать ни о жене, ни о ребенке — ни о чем. Он думал только о конфетах, спрятанных в одежде.

Эрни в отчаянии осмотрелся по сторонам, но не увидел в машине ни одного отверстия, куда бы выбросить уличающие его мятные леденцы. Может быть, раздать всем по пригоршне? Или высыпать конфеты на дно грузовика и таким образом избавиться от них? Но прежде чем он смог на что-то решиться, он почувствовал толчок, и машина остановилась. Двое полицейских открыли заднюю стенку.

— Выходи все, и не валять дурака!

Арестованные — их было семеро, — подавленные и удрученные голодом и тем, что попали в лапы полиции, спрыгнули с грузовика и увидели, что находятся у городской тюрьмы. Эрни показалось, что это церковь. Если бы так оно и было, он помолился бы, чтобы никто не обнаружил у него леденцов.

Эрни и остальных втолкнули в здание и повели по скудно освещенному коридору в комнату охраны.

— Обвиняются в нарушении уличного движения, участии в демонстрации и сопротивлении аресту, — сообщил сержант человеку, сидевшему за столом.

— Снять с них значки, вынуть авторучки и все из карманов, — монотонно, как бы нехотя произнес надзиратель.

Лишать людей свободы было его профессией, и он делал это, не меняя выражения лица.

Арестованные молча выложили свои жалкие пожитки на стол. Эрни снял рюкзак и протянул его надзирателю вместе с единственным другим принадлежавшим ему предметом — грязным носовым платком. «Я ничего не скажу о мятных», — мелькнуло у него в голове.

— Обыскать их, — приказал арестовавший их сержант. — У них может быть оружие.

Подошел констебль и начал по очереди обыскивать заключенных.

— Осторожнее,— произнес, робко протестуя, человек в шляпе, набитой бумагой.

Эрни казалось, что сердце его совсем перестало биться. На лбу его выступил пот, когда констебль стал грубо ощупывать его ноги, бока и подмышки.

— Что это? — спросил констебль, наткнувшись пальцами на конфеты.

Он сунул руки в карманы пальто Эрни и вытащил две пригоршни.

— Немножко леденцов, — с вымученной улыбкой сказал Эрни.

Констебль резко расстегнул пальто Эрни. Тюремщики и арестованные увидели, как он стал извлекать мятные леденцы из разных карманов Эрни и класть их на стол. Эрни чувствовал себя так, словно его раздели догола на глазах у целой толпы.

Опустошив все его карманы, констебль хлопнул Эрни по животу и вытащил рубашку из брюк. Конфеты дождем посыпались на пол.

— Где ты взял эти мятные? — спросил сержант, обретя наконец дар речи.

На широком, плоском лице надзирателя мелькнуло подобие улыбки.

Прежде чем Эрни успел ответить, надзиратель сказал:

Окончание. См. «Огонек» № 45.

— Подбери их. Они будут лежать вместе с другими вещами до окончания следствия.

Полицейский помог Эрни собрать конфеты, и после того как были закончены все формальности, появился стражник и под звяканье ключей увел заключенных.

— Когда нас выпустят? — спросил один из них. — Моя жена будет беспокоиться.

— Надо было подумать об этом сегодня утром, — бросил сержант ему вслед.

Стражник отпер огромную дверь, ведущую в коридор, по обе стороны которого находились камеры. Когда он открыл первую дверь справа, Эрни увидел пьяного, спящего на столе возле аппарата для снятия отпечатка пальцев. Арестованные по одному вошли в камеру, ярко освещенную прожектором, прикрепленным над входом. Каменный пол и стены были голые, в дальнем углу стояла параша, от которой шла сильная вонь.

Дверь за стражником захлопнулась, и заключенные кое-как разместились, присев на корточки. Человек в шляпе с бумагой отправился к параше. Эрни Лайл мог думать только о мятных леденцах, все остальное было забыто, даже то, что он стал политическим заключенным.

Его мысли были прерваны шумом, доносившимся из конторы через гулкие коридоры.

— У человека есть какие-то права, черт побери! — услышал он голос Дарки. — Я вам говорю, что потерял скатку с одеялами моих ребят, теперь им даже кровать нечем накрыть.

— Ведите себя прилично! — раздался резкий ответ. — Нам и так хватило возни с вами.

«Интересно, что сделал Дарки со своими конфетами?» — подумал Эрни. Но он недолго оставался в неведении.

— Откуда у вас эти леденцы? — громко спросил кто-то.

— Это мое дело. Люблю пососать леденцы, — раздался ответ Дарки, но в его голосе не было обычной уверенности.

Вскоре Дарки и несколько других арестованных были препровождены в камеру рядом.

Когда стражник с лязгом запер за ними дверь, вновь прибывшие начали петь: «Солидарность во веки веков, солидарность во веки веков! Союз дает нам силы». Эрни различал хриплый голос Дарки, который перевирал мелодию, но пел громче всех. Когда эта песня замерла, кто-то с чувством затянул другую: «Флаг рабочих ярко-красный. Не раз он прикрывал тела наших замученных товарищей». Эрни показалось, что это голос Куина из трущоб Дадлей. «Пусть трусы отступают и изменники глумятся, мы будем высоко держать красный флаг».

— Ты у меня заработаешь красный флаг под глазом! — закричал стражник.

Воцарилось молчание. Как видно, усталость, голод, а может быть, и беспокойство за свою судьбу заставили заключенных угомониться.

Вдруг раздался голос Дарки:

— Эрни Лайл, ты здесь?

— Да.

— Не хочешь ли мятную?

— Мы получим по шесть месяцев за кражу, — серьезно ответил Эрни.

Дарки громко расхохотался и начал рассказывать арестованным, как им достались конфеты. Эрни хотелось, чтобы Дарки поменьше откровенничал. Он боялся, что стражник может записать слова Дарки и использовать для показаний против них.

Прибыл еще грузовик с арестованными, их поместили в третью камеру. Кто-то из них попытался запеть, но мрачная тюремная обстановка оказывала, видимо, более сильное действие, чем железные решетки, и все смолкли.

Усталость овладела Эрни, и он заснул. Как долго он спал, он не знал, шум в конторе разбудил его. Эрни, как и другие, стал прислушиваться.

— Моя фамилия — Ламберт! — раздался резкий, отчетливый голос; видно было, что говоривший привык выступать под открытым небом. — Перси Ламберт. Я явился с нашим юрисконсультом, чтобы взять на поруки арестованных вами людей. У нас только что был разговор с министром. Если вы не выпустите этих людей, у вас будут неприятности.

Вскоре заключенные вновь очутились в конторе. Ламберт, оказавшийся лысым человеком небольшого роста, сердечно, по-отечески обратился к ним:

— Я хочу поблагодарить вас за ваше мужество и поздравить. Ваши усилия не были напрасны. Министр согласился ликвидировать систему пособий продовольствием и организовать общественные работы для улучшения положения безработных. Этот день запомнится надолго.

Демонстранты с облегчением захлопали в ладоши, радуясь победе. Они начали поздравлять друг друга. Но мысли Эрни по-прежнему занимал вопрос о мятных конфетах. Ламберт торопил с формальностями освобождения и разговаривал с надзирателем нарочито небрежно.

Надзиратель достал несколько белых мешков и стал вынимать из них вещи и возвращать арестованным.

— Мы будем рассматривать это как мелкий проступок, мистер Ламберт, — сказал он. — Нам звонили со Спринг-стрит. Десять шиллингов залога за каждого, и в суд являться не надо.

С этими словами он вывалил на стол груду мятных конфет, затем вторую. Конфеты возвышались, как две пирамиды, часть упала на пол.

— Двое из ваших клиентов сластены, мистер Ламберт, — произнес надзиратель с хитрой усмешкой.

Заключенные разобрали свои пожитки.

— Чьи это мятные конфеты? — спросил надзиратель.

Эрни взглянул на Дарки, который вышел вперед и начал рассовывать конфеты по карманам. Эрни постоял в нерешительности, потом сделал то же самое. Дарки стал раздавать мятные окружающим, сопровождая угощение рассказом о необыкновенном вкусе конфет. Эрни молча забрал свою долю, слишком подавленный, чтобы угощать других.

Когда они вышли из тюрьмы, над городом спускалась ночь. Темнота словно старалась скрыть страдальческое выражение лиц прохожих. Ламберт спросил, не нужны ли кому-либо еда и кров на ночь.

— Я схожу посмотрю, нет ли там, в сквере, моей скатки, — сказал Дарки, обращаясь к Эрни.

Тепло попрощавшись с Куином, они вновь пошли по той же дороге, которой демонстрация двигалась на Спринг-стрит.

— И след простыл! — огорченно произнес Дарки после того, как они обшарили все вокруг здания парламента.

— Хоть бы ее нашел какой-нибудь бедняк,

которому пригодятся одеяла! — Дарки приложил руки ко рту рупором и начал с остервенением ругаться: — Паршивцы! Сукины дети!

Ответом было только молчание ночи.

Они устало поплелись вниз по Бурк-стрит-Хилл и дошли до почты. Похожие на привидения люди приютились в тени колонн, найдя здесь убежище до полицейского обхода.

— Ах ты, черт, — вдруг обрадованно воскликнул Дарки, — у меня ведь где-то есть два шиллинга!

Он обыскал карманы и с трудом извлек монету.

— Не мог найти ее из-за мятных. Хорошо бы пропустить кружку пива! Что скажут через сто лет по поводу того, что пивные закрываются в шесть часов?

— Я бы лучше поел, — откликнулся Эрни.

— Возьми мятную.

— В жизни больше не дотронусь до мятных! — с жаром ответил Эрни.

— А что бы ты съел?

— Я бы слопал червивую лошадь, лишь бы к ней был соус.

— Я знаю, где в Мельбурне можно отлично поесть за девять пенсов, — сказал Дарки. — Да здравствует Том Роджерс! Пусть он живет долго и умрет счастливым.

Дарки повел Эрни по направлению к Куин-стрит. Перед слабо освещенным одноэтажным зданием он остановился — «Кафе «Эму». Обеды из трех блюд — девять пенсов». Дарки открыл дверь, и они вошли.

Все места были заняты, за столами сидели плохо одетые люди. Некоторые из них обедали только раз в неделю — в пятницу вечером. Кафе «Эму» было мечтой голодных и бездомных.

Дарки и Эрни нашли столик с одним свободным стулом; на втором, заканчивая обед, сидел старик, видно, знавший лучшие дни: пальто на нем было рваное, но из дорогой материи. Уходя, он взял с вешалки мягкую шляпу.

— Позволю себе рекомендовать вам гороховый суп, — сказал он Дарки, поклонившись. — Рекомендую также мясо и яблочный пирог.

— Возьми мятную, друг, — произнес Дарки, протягивая старику пригоршню конфет.

Тот, преодолевая свою приверженность к правилам хорошего тона, с достоинством взял леденцы. Потом изящным движением надел шляпу и направился к кассе.

— Вот чудак! — удивился Дарки, изучая меню. — Здесь же больше и выбирать-то нечего!

— Это он, наверное, для солидности, бедняга, — заметил Эрни. — И чего можно ждать за девять пенсов?

Они были так голодны, что, как волки, набросились на еду.

— Мы купим билеты по три пенса и доедем до Саншайна, — сказал Дарки, доедая мясо и вытирая хлебом тарелку. — Там останавливается балларатский товарный, говорят, на него сесть зайцем легче легкого...

Покончив с яблочным пирогом и чаем, они вышли из кафе и зашагали на станцию, что на Спенсер-стрит, а оттуда электричкой добрались до Саншайна. Здесь без всяких приключений они сели на товарный и вскоре мчались безлунной ночью по равнине к Бенсонс Вэлли, довольно удобно устроившись на ящиках с суперфосфатом.

Было прохладно, и очень не хватало одеял Дарки. Путешественники молча прижались друг к другу. Эрни забыл все, даже мятные конфеты, предвкушая благополучное возвращение домой.

— Мы спрыгнем, когда поезд замедлит ход около моста Мальдон Уэйр, — сказал Дарки.— Это самое трудное. Как только почувствуешь землю, расслабь мускулы и катись!

Товарный уменьшил скорость и полз, как улитка... Дарки напряженно всматривался в темноту, подыскивая подходящее место для посадки. Наконец он прыгнул, Эрни за ним. Они покатились вниз по склону. Вдруг Эрни почувствовал страшный удар в голову, искры посыпались у него из глаз, и он безжизненно вытянулся у пня.

Дарки поднялся и подошел к Эрни. Эрни застонал, и Дарки приподнял его голову.

— Что с тобой, друг? — с тревогой спросил Дарки.

Эрни снова застонал и сел.

— К-кажется, ничего, — ответил он.

Дарки помог ему встать на ноги, и они двинулись через заросли к шоссе. У Эрни слегка кружилась голова, кроме того, он натер правую пятку и начал хромать. Дарки взял его под руку, помогая идти. Они перелезли через забор и вышли на тропинку. Эрни тяжело опирался на Дарки. С передышками они добрались до шоссе.

— Я не дойду, Дарки, очень уж далеко. Еще четыре мили, — произнес Эрни.

— Ты полежи здесь, отдохни, а я постараюсь перехватить машину, — сказал Дарки.

Он освободил приятеля от рюкзака, и Эрни лег у придорожного рва. Дарки свернул рюкзак и осторожно подложил ему под голову. Эрни застонал и откинулся на спину. Дарки снял пальто и укрыл его.

— Сейчас на шоссе, может, попадется что-нибудь, — сказал Дарки. — Машины ходят здесь по ночам.

Со стороны поселка Мальдон показались фары. Дарки перепрыгнул через ров и встал с краю на асфальте, отчаянно размахивая руками. Роскошный лимузин промчался мимо, не замедляя хода.

— Чтоб тебе всю жизнь ходить пешком! — закричал Дарки вслед машине. Он вернулся к Эрни. — Шикарная машина никогда не остановится. Так-то. Старая таратайка или грузовик — те остановятся. Только бедняк поможет бедняку.

Дарки опустился на землю возле Эрни. Тому снова захотелось пробиться сквозь стену, годами отделявшую его от Дарки.

— Дарки!

— Да?

— Что ты думаешь? Ну, про забастовку и про все это.

— Я думаю, что буду спать целую неделю, черт возьми, когда попаду домой, — уклонился от ответа Дарки.

— Дарки, — устало, но решительно сказал Эрни. — Мы здорово рисковали. Мы даже попали в тюрьму.

Эрни Лайл попытался всмотреться в лицо Дарки; тот лежал на спине, пристально глядя в темноту. Наступило долгое молчание, потом Дарки мягко произнес, как бы разговаривая с самим собой:

— Никогда я много не думал. Пошел на войну за приключениями и получил их сполна. Вернулся домой и женился на Уинни. У нас родились ребята. Я работал для Уинни и для ребят. — Он поднял свои большие руки. — Вот этими двумя руками. Все, что у меня было, — эти руки и моя сила. Потом начался кризис, и мои руки остались без дела. Том Роджерс и «полковник» Мак Дугал стали созывать собрания, и я слушал, что они говорили. И вот они попросили меня поехать в Мельбурн. И я был рад этому, потому что они положились на меня, Дарки.

Дарки постучал указательным пальцем по своей груди. Он словно не замечал присутствия Эрни.

— Вот этот Дарки смог добраться до Мельбурна. Другие не могли, а я смог. Этот Дарки крепко сшит. Этот Дарки мог бы схватиться со всем миром один на один. — Дарки потянулся и сел.— Ты хочешь знать, о чем я думаю? Ладно, я тебе скажу. Я думаю, что научился кое-чему в Мельбурне. И вот чему. Я один — никто. Просто бродяга, который притворяется, что он силен. Но вместе с пятью тысячами других людей я уже кое-что значу. Вместе с пятью тысячами других людей я добился, чтобы перестали давать пособия продовольствием. С этой системой покончено, Эрни. Мы с ней покончили!..

Послышался отдаленный шум грузовика, и из-за поворота показались фары. Дарки встал и перескочил через ров на дорогу. Когда огни приблизились, он вышел на середину шоссе и начал сигналить руками, как полицейский на перекрестке.

Заскрежетали тормоза, и грузовик с прицепом остановился в нескольких ярдах от Дарки. Дарки подбежал к кабине.

— Ты не подвезешь нас? — спросил Дарки шофера. — С моим напарником неладно.

— Садитесь, — ответил шофер. Он был в кепке и кожаной куртке. — Куда вам?

— В Бенсонс Вэлли, — сказал Дарки и вернулся к Эрни, чтобы помочь ему переправиться через ров.

Когда машина тронулась, шофер спросил, стараясь перекричать шум мотора:

— Странствуете?

— Не совсем, — ответил Дарки. — Мы сейчас соскочили с товарного из Мельбурна. Были на демонстрации вчера.

— Желаю удачи, — одобрительно произнес шофер и сбоку взглянул на своих пассажиров. — Желаю удачи! Порядочная заваруха получилась там вчера вечером. Я в газетах читал.

— Да, — заметил Дарки, — нас потом упрятали в каталажку.

— А еще говорят, свободная страна! — воскликнул шофер.— Мой брат — безработный на пособии. Раз в неделю — кулек с продуктами. Черт знает что!

— Система пособий продовольствием кончилась, — сказал Дарки и добавил: — Мой напарник ушиб голову, когда мы спрыгивали с поезда.

— Да, выглядит он неважно, — согласился шофер.

— Мне уже лучше, — подал голос Эрни.

Они замолчали. Грузовик начал спускаться по крутому склону к Бенсонс Вэлли, и шофер сбавил скорость. Редкие огни мерцали в темноте. Город спал беспокойным сном. Вскоре фары осветили группу тополей, которые расположились, как арка на авансцене, затем потянулись яблоневые сады.

— Вот здесь мы и сойдем, — сказал Дарки.— Напротив Дома механика.

Скрипнули тормоза, грузовик остановился, и Дарки с Эрни вышли из кабины.

— Спасибо, друг, — поблагодарил Дарки, прежде чем захлопнуть дверцу.

— Всегда можешь рассчитывать на меня,— сказал шофер. — Я б отвез вас прямо из Мельбурна, если б знал.

— Ребята есть у тебя? — спросил Дарки.

— Да, сынишка.

— Угости его мятными, — произнес Дарки, извлекая из-за пазухи две горсти конфет и высыпая их в ящик под щитком с приборами.— С приветом от сэра Гарольда Клепа, — добавил он и захлопнул дверцу кабины.

Когда грузовик ушел, Дарки сказал:

— Что ж, друг, мы вернулись туда, откуда начали. Как ты?

— Ноги шалят малость. Но все будет в порядке.

Дарки взял рюкзак Эрни.

— Я провожу тебя на всякий случай. Пожалуй, тебе придется утром сходить к доктору.

— Мне нечем ему платить.

— А старый доктор Мак с тебя ничего не возьмет. Единственный ирландец с шотландской фамилией, какого я встречал.

По дороге они прошли мимо дома Мэтчиза Андерсона. Дарки остановился у ворот и начал насыпать мятные леденцы в ржавый почтовый ящик.

— Гляди, все не отдай,— остановил его Эрни.

— Смотреть больше не могу на мятные. Мэтчиз разыграет их в лотерею, как пить дать. — Дарки расхохотался так, что мог бы разбудить всех соседей.

По пути к дому Эрни Дарки наполнил конфетами почтовый ящик Тома Роджерса и оставил большую порцию на крыльце Спарко Спаркса.

— Возьми и мои, — предложил Эрни. — Оставь только немного для моего мальца.

Он удивился, что Дарки согласился, не споря.

— Я положу конфеты каждому члену Союза безработных, — объяснил Дарки. — И моим ребятам тоже хватит.

У ворот Эрни они молча расстались. Эрни только собрался двинуться по тропинке к дому, как Дарки окликнул его:

— Эй, Эрни!

— Чего?

— В такие минуты, как эта, нужна мятная конфета!

Эрни покачал головой, улыбнулся и тихонько зашагал к крыльцу.

Перевела с английского С. Кругерская.

В резиденции премьер-министра Иордании раздался взрыв...

Преданность за доллары

И. БЕЛЯЕВ

На XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН выступал король Иордании Хусейн. Трудно найти более яркий образец угодливости приказчика, распинающегося перед лондонскими и вашингтонскими хозяевами. О, конечно, Хусейн прославлял и обелял все жестокое, грабительское и кровавое, что творят колонизаторы над народами Азии и Африки! Щупленький и неказистый, он тщился выглядеть с трибуны величественным и даже... грозным. Марионетка яростно размахивала руками и призывала — ни больше, ни меньше — «контратаковать коммунизм до тех пор, пока коммунизм не будет разбит».

Но Хусейну не до храбрости. Молодой монарх дрожит как овечий хвост. Он панически боится своего народа и отгораживается от него стеной английских штыков и американских танков. Не потому ли, напрягая голосовые связки, он так рьяно отрабатывал с трибуны ООН английские фунты и американские доллары?..

Недавние события в Иордании показывают, сколь грязна его ложь. Они показывают, кому служит король-предатель.

...Амман, 29 августа. Половина двенадцатого дня. Король Хусейн только что сел в свой, похожий на огромного бульдога, бронированный «ролс-ройс». Шофер нажал на стартер, и тяжелая махина была готова сорваться с места, чтобы доставить пассажира в резиденцию премьер-министра на заседание правительства.

И как раз в этот момент раздались один за другим два сильных взрыва. Над центром иорданской столицы поднялось огромное облако пыли, в воздух взметнулись камни, замелькали тысячи листков бумаги.

— Что произошло? — испуганно спросил король своего адъютанта.

В ответ тот растерянно пожал плечами.

Тем временем к месту взрыва мчались поднятые по «большой тревоге» военные броневики, танки, грузовики с солдатами и полицейскими. Они спешили туда, где всего несколько минут назад высилось двухэтажное здание из розового камня — резиденция премьер-министра Хазаа аль-Маджали, куда направлялся король Хусейн. Теперь от здания осталась груда развалин.

К прибытию войск и полиции из-под дымящихся обломков уже успели извлечь трупы премьер-министра, статс-секретаря и других убитых. Солдаты оцепили место взрыва, полицейские оттеснили любопытных, арестовали всех «подозрительных» и приступили к сбору развеянных по соседним улицам документов архива иорданского правительства.

Очень колоритную рекомендацию дала в связи с этим Хусейну арабская газета «Аль-Гумхурия». Обращаясь к иорданскому монарху, она писала: «Вы хотите знать, кто убил Хазаа аль-Маджали? Ищите у себя, потому что вы убили его. Вы один убийца, потому что он был вашим агентом. Он выполнял приказы ваших хозяев, которые восстановили против вас ваш народ».

В прошлом году Хусейн побывал в Лондоне. Он добивался там новой поддержки своего режима, пришедшего в непримиримое противоречие с интересами страны. Возвратившись в Амман, он объявил, что помощь Англии — экономическая, финансовая и, конечно, военная — будет расширена. Премьер-министр Хазаа аль-Маджали с угодливым восторгом уточнил тогда, что речь идет о 20 миллионах фунтов стерлингов ежегодно.

Как известно, британский колониализм не привык бросать деньги на ветер. В Лондоне Хусейну дали понять, что за помощь требуется компенсация — полное восстановление позиций Англии в Иордании. Эти позиции, как известно, были утрачены после того, как оттуда в марте 1956 года изгнали фактического правителя страны английского генерала Джона Глабба.

Разумеется, Форейн Оффис потребовал от венценосца включить Иорданию в СЕНТО. Но в первую очередь речь шла о весьма конкретных вещах: Иордания принимает в Аммане специальную военную английскую миссию, наделенную самыми широкими полномочиями. Ее члены не только занимают ключевые посты в иорданских вооруженных силах и полиции, но и облекаются правом «рекомендовать» королю, кого из иорданцев можно назначить на командные должности. От Хусейна потребовали передачи под контроль военно-воздушных сил Англии четырех иорданских военных аэродромов: в Мафраке, Мекер, Акабе и на границе с Саудовской Аравией.

Хусейн эти условия принял. Больше того, к их исполнению уже приступили. В январе нынешнего года Амман посетил командующий военно-воздушными силами Англии на Ближнем и Среднем Востоке маршал авиации Вильям Макдональд. Вернувшись в Лондон, он потирал руки. Маршал не только проинспектировал военную базу в Мафраке, но и достиг джентльменского соглашения с министром обороны Васфи Мирзой о том, чтобы иорданская армия была как можно скорее передана под контроль англичан, как в добрые времена Джона Глабба.

Командующим иорданскими военно-воздушными силами стал личный друг короля полковник британских ВВС Диклиш. Английский офицер занял высший пост в органах безопасности. Даже при Глаббе английских офицеров в иорданской армии было не больше 85 человек, а сейчас их уже около полутораста. Вовсю поговаривают и о возвращении в Иорданию самого генерала Глабба...

Для английских и американских империалистов Иордания не только важный стратегический район на Ближнем Востоке; это и одна из немногих арабских стран, продолжающих проводить политику, угодную колонизаторам. Этим и объясняется их щедрость в отношении Хусейна. Соединенные Штаты только в 1958/59 бюджетном году отвалили ему 43,2 миллиона долларов, не считая «подарка» — самолетов «Хантер», обошедшихся американцам в 10 миллионов долларов.

Ни одно из арабских государств не находится в такой кабальной зависимости от западных держав, как Иордания. Страна не покрывает собственных потребностей в хлебе и в других продуктах сельского хозяйства. Иордания завалена иностранными товарами, которые могли бы производиться на

месте. Торговый баланс государства хронически пассивен. Невиданно огромен дефицит бюджета. На Ближнем Востоке нет страны, которая, как Иордания, строила бы свой государственный бюджет, полагаясь больше чем на две трети на финансовые субсидии из-за рубежа. И в то же время за последние годы удвоена численность армии, раздут штат полиции, пожирающих свыше половины содержимого иорданской казны.

Король Хусейн как-то сам признал тот неоспоримый факт, что если сидеть на перегретом котле, то можно оказаться разорванным на куски. Маленький тиран, видимо, думал в ту минуту о происшествии с Нури Саидом в Ираке. Но можно «выпускать пар» постепенно. Именно на это и надеется Хусейн. Что это представляет собой, можно судить по дикому разгулу террора и беззакония в Иордании.

Страна покрыта сетью концлагерей. Страшной славой пользуется находящийся на юге Иордании лагерь Джифр. В народе его называют «каменной могилой». Там гибнут сотни патриотов, имена которых хранятся в тайне даже от натренированной по фашистскому образцу охраны.

В тюрьмы брошены бывший заместитель главнокомандующего иорданской армии генерал Садык аш-Шаре и оппозиционно настроенные офицеры. Четвертый год находится под домашним арестом Сулейман Набулси, возглавлявший правительство Иордании в 1956—1957 годах. За решеткой томятся депутаты парламента Зайдон Уралд, Фаек Варрад, Абдель Хак, Иса Мадинат, Талаат Хабил, Абдель Халбад Ягмур и тысячи других честных людей, не желающих мириться с позорным подчинением Иордании Англии и США.

Узников подвергают жесточайшим пыткам.

Жестокость Хусейна и его клики возрастает вместе с ростом панического страха перед собственным народом. В каждом, кто переступает порог королевского дворца, Хусейн видит заговорщика. Насмерть перепуганный, король каждую неделю меняет состав своей свиты, устраивает чистку в армии.

Наконец Хусейн обратился с душераздирающим воплем о помощи к генеральному секретарю ООН Хаммаршельду. Тот поспешил откликнуться. Господин Хаммаршельд срочно отправил в Амман своего личного представителя Спинелли. Этому посланцу надлежит заниматься весьма грязным делом — подпирать трон короля-марионетки и помогать ему душить собственный народ. Англия спешно командировала в Амман еще одну военную миссию. Со всех сторон покровители советуют перетрухнувшему королю «действовать решительно».

Но вряд ли помогут королю советы английских и американских покровителей. Куда более разумно звучат слова ливанской газеты «Бейрут аль-Маса»: «Желая Маджали царства небесного, мы не можем не указать на то, что его смерть должна служить назиданием для других, подобных ему. Пусть эти другие не становятся на путь Маджали. Ибо он чреват для них такими же ужасными последствиями».

Вот к чему следует прислушаться!

ЕСТЬ ЛИ

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» указывается, что «многие промышленные предприятия не учитывают изменившуюся обстановку в торговле и в погоне за увеличением производства выпускают товары без учета требований торгующих организаций и спроса населения, длительное время выпускают товары устаревших фасонов и моделей, мало проявляют заботы об освоении новых видов товаров, улучшении их ассортимента и качества».

Мы решили провести своеобразную заочную конференцию «Новое и старое в промышленности и в торговле». В ней приняли участие работники торговли, Московского городского совнархоза и Моссовета. Обе заинтересованные стороны вступают в подобную дискуссию, увы, уже не в первый раз. Третья, самая заинтересованная сторона, покупатель, разумеется, тоже хочет принять участие в обсуждении этих важных вопросов. Поэтому мы и сообщаем ему реплики участников «заочной конференции».

Фото А. УЗЛЯНА.

ОБОЖДИТЕ, СКОРО БУДЕТ...

В. В. ТИХОМИРОВ,
начальник производственного отдела Управления мебельной промышленности Мосгорсовнархоза

Мы рады сообщить, что в производстве мебели произошел серьезный перелом. Сейчас восемьдесят процентов мебельных предприятий переключились на выпуск новой, преимущественно малогабаритной мебели оригинальной конструкции. В продажу уже поступили пять наборов различного оформления, а каждый имеет два-три варианта.

Первоначальный наш план на 1960 год составлял 11 тысяч комплектов. Но мы решили выпустить 30 тысяч. А в будущем году сделаем в четыре с половиной раза больше.

Под Москвой, в Сходне, недавно пущен мощный мебельностроительный комбинат. Это — образцовое производство, какого еще не видали мебельщики. Комбинат уже освоил выпуск новых комплектов и... гм... одного старого.

Можно ли купить отдельное кресло? М... можно, правда, их, пожалуй, еще маловато. Обождите, вот скоро будем делать кресла и диваны с сиденьями из пенопласта.

Пластмассовая мебель? Об этом, признаться, еще не думали.

Мы считаем, что с торговыми организациями сейчас у нас налажен контакт, и никаких недоразумений больше не происходит.

В. В. Тихомиров.— Пластмассовая мебель? Об этом, признаться, еще не думали.

Н. А. Чуркин.— Нет, товарищи мебельщики, вы нам мебель хорошую дайте, тогда скажем: есть контакт!

О «БАНДУРАХ» И ЭТАЖЕРКАХ

Н. А. ЧУРКИН,
директор магазина № 1 Мосмебельторга

Контакт есть, это верно. Но и недоразумений сколько угодно.

Скажем, фабрики № 12 и № 17 делают тахту с подушками в мещанском вкусе.

Мебельно-сборочный комбинат делает диван-тахту с подлокотниками. Очень она не нравится покупателям: неудобно, громоздко. Сколько раз мы просили: замените модель, дайте что-нибудь полегче, поизящней, что-нибудь с выставки. Не помогает!

Вы говорите: пенопласт. Давно о нем наслышаны. Московский мебельно-сборочный комбинат обещает пенопластовые кресла и диваны много лет подряд. Но до сих пор образцы, и, надо сказать, неплохие, я видел только в альбоме.

Четыре тысячи покупателей записаны в очередь на софу-кровать чехословацкого производства. В чем дело, неужели наша промышленность не может освоить этот образец? Ведь насколько мне известно, фабрики, выпускающие мягкую мебель, загружены только наполовину.

Вот металлических кроватей сколько угодно. Даже больше, чем требуется. Но, товарищи с первого и второго заводов, неужели вам не жаль металла? Ведь кровати ваши — и детские, и для взрослых — излишне тяжелы, а выполнение убого. Между тем было два конкурса на лучшую металлическую кровать, кому-то присуждали премии. Где же премированные модели? То, что мы вынуждены продавать,— вне конкурса, но и вне всякой критики.

Мебельно-сборочный комбинат наконец-то начал выпускать модернизированные шкафы. Форма хоть куда, а отделка никуда. За круглый стол фабрики № 2 лучше не садиться: того и гляди, получишь занозу. Между прочим, на фабрике № 6 на руководящей должности находится, по-видимому, чья-то старая бабушка: только по ее вкусу можно было изготовить мещанские этажерочки, которые никто не хочет покупать.

Несколько слов о мебельных «мелочах». Не желают люди покупать убогие вешалки деревообделочного завода № 2, не хотят украшать комнату ширмой фабрики № 3. А знаете, как трудно купить карниз для штор? Промысловые артели делают карнизы, но они не подходят по размерам к окнам и дверям в новых домах. Приходится нам самим прямо в магазине резать и пилить.

Нет, товарищи мебельщики, вы нам мебель хорошую дайте, вот тогда мы скажем: есть контакт!

ТРИ ТЫСЯЧИ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ...

В. Г. ТРОХОВ,
начальник Управления швейной промышленности Мосгорисполкома

Прежде всего хочу порадовать наших женщин: будут для них нейлоновые шубки, и недорогие. До конца года дадим 25 тысяч штук. Не много, правда, но считайте, что это — только начало. Шьем также платья и блузки из новой синтетической ткани. В ближайшем квартале получим до 60 тысяч метров этого материала.

Могу порадовать и мужчин: скоро они получат элегантные паль-

КОНТАКТ?

то с пристегивающейся подкладкой. Но, к сожалению, приходится их и огорчить: костюмов из ткани «ударник» опять будет маловато! Ткань эту делает только Кунцевская фабрика, и ее не хватает.

А вообще-то в этом году мы выпустим 3 тысячи различных моделей мужского, женского и детского платья, между прочим, 18 моделей для новорожденных. Вот кто на нас не жалуется!

Постараемся сделать побольше дамских пальто стоимостью от 1 500 рублей и выше.

Очень популярны дамские костюмы не только массового производства. Многие магазины требуют побольше крепдешиновых плащей.

Между прочим, сейчас нет ни одной модели одежды, которые были в ходу, скажем, года два назад. Правда, на отдельных фабриках пока еще шьют по старым моделям, но это, так сказать, модели установившиеся, переходящие.

Самое главное: вопрос о количестве сейчас с повестки дня снят. Пальто, костюмы, платья — сколько угодно! Качество — это, надо признаться, еще наше узкое место.

Мы работаем по заказам магазинов. Продавцы приходят к нам на склад и выбирают то, что им нравится, а то, что не нравится, не берут. У нас же, швейников, такого права нет. Мы не можем заказывать текстильной промышленности товар по вкусу. До сих пор еще существует система двадцатипятипроцентной нагрузки:

В. Г. Трохов.— Пальто, костюмы, платья — сколько угодно!

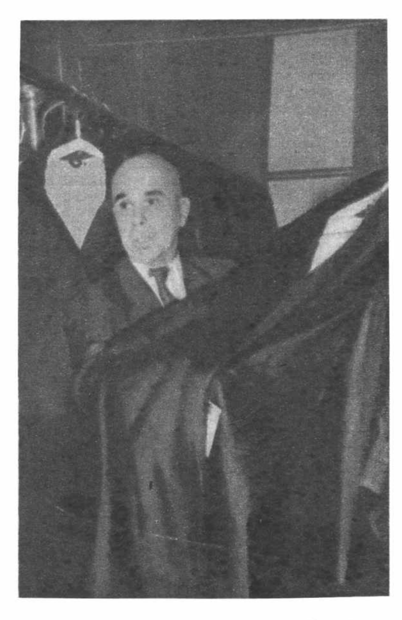
хочешь получить 100 метров красивой, доброкачественной ткани, бери еще и 25 метров ткани неходовой.

Кстати сказать, недавно пущены новые крупные текстильные комбинаты в Минске, Краснодаре, Брянске. Но качество их продукции оставляет желать лучшего.

Одним словом, многое зависит от текстильщиков.

НЕЧЕГО НА МОДУ ПЕНЯТЬ

М. И. МАЛЫШЕВ,
старший продавец магазина № 50 Мосодежды



М. И. Малышев.— Напротив нас Всесоюзный Дом моделей. Там таких плащей вы не увидите...

С 1914 года работаю я в торговле. Можете себе представить, сколько разных мод я за это время перевидал, скольких людей одел.

Купить новое платье или костюм — это хоть и небольшое, но все-таки событие в жизни человека, так сказать, маленький праздник. И, ох, как неприятно бывает испортить такой праздник. А иногда приходится...

Например, несколько дней назад не хватило дамских пальто самых, так сказать, изящных размеров — 44-го и 46-го. Дали мы заказ 9-й фабрике. Сегодня получили пальто, но все одного, красноватого, оттенка, что-то среднее между морковкой и кирпичом.

Вообще-то пальто у нас достаточно. Но фасоны однообразны, и качеством не всегда порадовать можем. Даже в магазине, на вешалке, пальто через неделю теряет вид, материал, как мы говорим, «скатывается», становится похожим на войлок. Что же будет в носке?

Неплохие костюмы делает 7-я фабрика, нравятся они покупателям. Ну-с, заказали мы тысячу штук таких костюмов массового производства. Нам говорят: хотите массовые, берите также «вк» и «ук». Непонятно? Это на языке швейников значит: высшего качества и улучшенного качества. Странная градация.

А почему исчезли из продажи пальто скромного английского покроя? Непонятно.

Вот говорят, магазины требуют, мол, побольше крепдешиновых плащей. Да избави нас бог! Они же превратились в какую-то униформу! Мешковатые и все бежеватого цвета. Да они еще десять лет назад считались устаревшими. А вот поди ж ты, все шьют и шьют.

Напротив нашего магазина находится Всесоюзный Дом моделей. Посмотрите на их витрину и на наши прилавки: небо и земля. Я и сам хожу на выставки, на просмотры. Ничего не скажешь, хороши новые модели, много в них вкуса, изящества, элегантности. Но ведь это уникумы!

Часто приходится слышать жалобы швейников на моду. Но я так скажу: нечего на моду пенять — поспевай догонять.

НАШИ НОВИНКИ...

Т. Л. ИПАТЬЕВА,
заместитель начальника Управления обувной промышленности Мосгорсовнархоза

В этом году мы разработали и внедрили 250 новых моделей мужской, женской и детской обуви. Начали выпускать туфли модного силуэта, с зауженным носком, на каблуке типа «гвоздик». Половину ассортимента делаем таким, половину по старым моделям: так заказывают магазины.

Фабрика модельной обуви № 1 будет выпускать изящную женскую обувь из замши, лака, цветной кожи и парчи. Фабрика «Парижская коммуна» даст обувь из сукна на каблучке, Москожкомбинат — обувь повседневной носки на резиновой подошве, с водонепроницаемым верхом. К осенне-зимнему сезону выпустим мужскую и женскую обувь с суконным верхом, на меховой подкладке и на капроновой байке.

Мне непонятны жалобы на наши танкетки: их выпускали и будут выпускать все наши фабрики. Точно так же, как босоножки.

Вот взгляните на наши новинки: не правда ли, красиво? Изящная линия, высокое качество отделки, а какая гамма красок: белые, голубые, алые... Уверена: эта продукция будет пользоваться большим успехом у покупателей.

Т. Л. Ипатьева.— Вот взгляните на наши новинки!

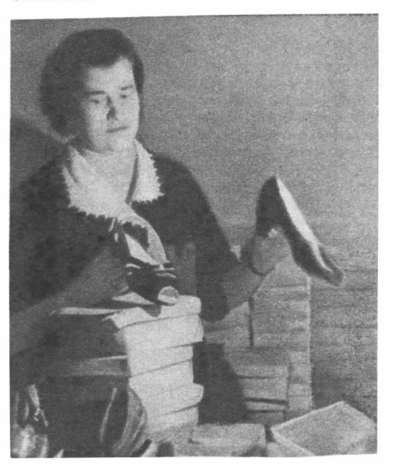
...ИХ УВИДИШЬ ТОЛЬКО НА ВЫСТАВКЕ

О. И. СПИРИДОНОВА,
заведующая секцией женской обуви магазина № 28 Мособувьторга

Покупатель теперь не тот, что был несколько лет назад, ему уже не скажешь: «Берите, что дают». Он требует выбора, и он прав.

Ведь иной раз такое предлагаешь покупателям, что самой стыдно. Скажите, стали бы вы носить лакированные лапти? А ведь их делает уважаемая фабрика «Парижская коммуна». Это так называемые босоножки модели № 574.

Много лет та же фабрика выпускает дамский полуботинок модели № 320: тяжелая, топорной работы обувь, которая отнюдь не украшает женскую ногу. Давным-давно всем надоели танкетки. Ведь их делают уже более десяти лет. Неужели нельзя придумать что-нибудь более современное? Конечно, можно! Смогли же, например, выпустить превосходные мягкие босоножки — модель № 27. Давайте их побольше.



О. И. Спиридонова.— Иной раз такое предлагаешь покупателю, что самой становится стыдно.

Модельная фабрика № 2 делает довольно изящную обувь. Но она дорога и, как прежде, рантовая. А покупатель давно требует клеевую.

До сих пор фабрики перестраивались так медленно, что когда уже наконец начинается выпуск новой модели, то оказывается, что мода на нее прошла. Мы от устаревшей обуви отказываемся, тогда фабрики отправляют ее на периферию. А база Рособувьторга нисколько этому не противится.

* * *

На этом пока закончилась наша «заочная конференция».

По ходу дискуссии выяснилось, что промышленность обещает в ближайшее время порадовать покупателей новыми хорошими товарами. Представители торговли утверждают, что хорошие товары пока имеются преимущественно на выставке, на прилавок же попадает еще много устаревших образцов.

Третья, самая заинтересованная сторона, покупатель, с сожалением замечает, что от выставки до прилавка все еще дистанция немалого размера. Очень хочется эту дистанцию сократить.

СОВЕТСКИЕ ШАХМАТИСТЫ — ПЕРВЫЕ

«Куда бы пойти, чтобы хоть два часа отдохнуть от шахмат, от корреспондентов, от охотников за автографами?» — вот о чем думал Таль. И выход был им найден. Заядлый болельщик и знаток футбола, Михаил Таль пошел на встречу московского и лейпцигского «Локомотива». Наконец-то можно спокойно подышать воздухом и «поболеть» самому! Но... прошло несколько минут, и радиодиктор объявил, что на матче присутствует чемпион мира М. Таль. И тут же началась обычная работа: мальчики непрерывно подходили с блокнотами и листами бумаги. «Пожалуйста, подпишитесь!» — просили они. Отдых не удался. Уж лучше пойти на шахматную олимпиаду, там все же меньше народу, чем на футболе. Так Талю не удалось отдохнуть от шахмат.

В четвертом туре наша команда играла с сильной командой Венгрии. В первых рядах заняли место советские и венгерские туристы. На шахматном турнире не полагается громко подбадривать «своих», как на стадионе. Но все равно, несмотря на всеобщее молчание, пульс борьбы бился исключительно сильно. Это был ослепительно острый матч. Нашей гроссмейстерской команде пора было отрываться от преследовавших ее американских шахматистов. Нельзя упустить такой возможности. И вот Талю удалось постепенно переиграть гроссмейстера Л. Сабо. Уже в поздний вечерний час, когда Сабо спросил меня, в какой комнате живет Таль, я понял, чем вызван вечерний визит венгерского гроссмейстера. И не ошибся: Сабо сообщил, что Таль может спать спокойно, он сдает свою партию.

Страшный разгром учинил Керес Билеку. Серьезные опасения вызвала позиция Т. Петросяна в партии с Клюгером. Но когда оба партнера попали в цейтнот, то искусство лучшего «блициста» взяло верх. Недаром Петросян непобедим в партиях-пятиминутках. Ничейный исход был зафиксирован в партии Портиш — Ботвинник.

Итак, наша команда одержала крупную победу: 3,5 : 0,5. Весь матч советские шахматисты провели, как говорят в Будапеште, с «паприкой», то есть с перцем.

Во втором важном матче этого тура Бобби Фишер «погорел». Находящийся в превосходной спортивной форме С. Глигорич заставил юного чемпиона США сложить оружие. И все же американцы добились победы в матче с Югославией со счетом 2,5 : 1,5.

Только одно очко разделяло команду СССР и США, тем понятнее был тот колоссальный интерес к пятому туру, в котором встретились шахматисты СССР и США.

За доской М. Таль и Б. Фишер — два шахматных таланта, которые за последние годы ярко вспыхнули в шахматном небе.

Бобби проиграл Талю в турнире претендентов все четыре партии, но он «скромно» объясняет это случайностями. Бобби Фишер, видимо, относится к типу шахматиста-оптимиста: после каждого проигрыша он находит себе оправдание. Так, например, после первого проигрыша он говорит: «Я допустил грубую ошибку». После второго: «Все партии выиграть нельзя». После третьего проигрыша: «Мой партнер играет неплохо». После четвертого поражения: «Он мне достойный партнер».

Лейпцигская встреча между Талем и Фишером протекала исключительно напряженно, и у зрителей создалось впечатление, что играют два шахматных волшебника. Комбинация встречала контркомбинацию, удар — контрудар. И дело кончилось вечным шахом. По своему характеру и остроте эта волнующая партия в некоторой степени напоминает острый поединок между А. Алехиным и М. Ботвинником в 1936 году, закончившийся также вничью...

Ничейное предложение со стороны У. Ломбарди, с которым в Лейпциге играл Ботвинник, было вежливо отклонено им. Экс-чемпион мира, видимо, хотел до конца использовать свое микроскопическое преимущество. Отложенная позиция была в пользу Ботвинника, но при доигрывании молодой Ломбарди шутя, «левой рукой», сделал ничью, тем более, что этот способный шахматист на самом деле левша. Также ничьей закончилась встреча Бирн — Корчной.

Героем дня в матче с американцами был В. Смыслов. Напомним, что с давних пор Смыслов — гроза американских гроссмейстеров. В прошлом он побеждал С. Решевского и других известных шахматистов. И на сей раз Смыслов выиграл свою партию у Бисгайера, обеспечив команде СССР победу со счетом 2,5 : 1,5. Следует отметить, что это уже второй раз (первый раз в матче с Голландией) в финале Смыслов «забивает единственный и решающий гол»!

Все команды завидуют нашей, в составе которой имеется «золотой запас», состоящий из В. Смыслова и Т. Петросяна. Ничего себе «запасные»! Любая команда согласилась бы поставить таких запасных на первую доску!

Итак, пройдена почти половина финала. Наша команда уже встретилась с сильнейшими командами. Волноваться больше нечего.

Когда читатели «Огонька» прочтут эти строки, они уже будут знать, что Кубок чемпиона мира снова в руках капитана сборной СССР.

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

Лейпциг.

1804

1805

1806

сент. 1812

окт. 1812

1813

1814

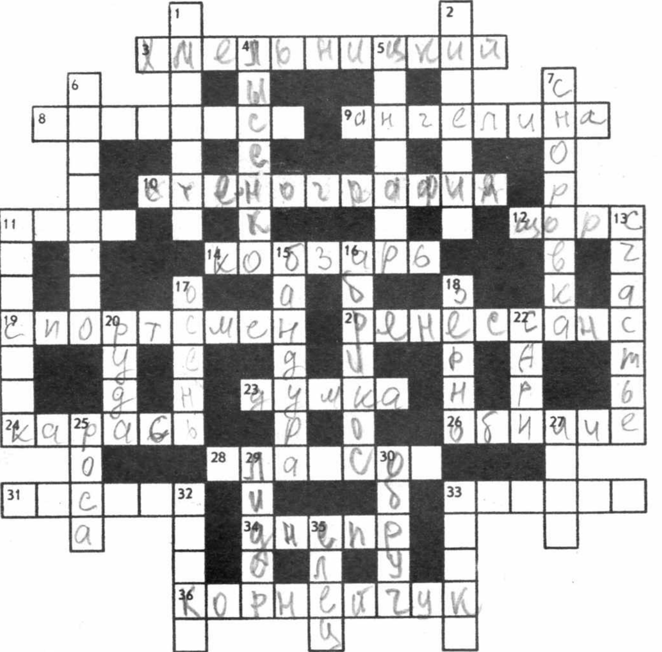
Восемь подписей Наполеона

Подпись Наполеона в 1804 году после его коронации носит подчеркнуто пышный характер. Наполеон впервые подписывается не фамилией Бонапарт, а своим именем.

2 декабря 1805 года, после победы при Аустерлице, подпись Наполеона еще спокойна, росчерк аккуратно вырисован. Но уже после похода 1806 года в Пруссию росчерк становится поспешным и грубым. 21 сентября 1812 года в Москве подпись Наполеона резко меняется — это недописанное слово с крючком. В октябре 1812 года, при отступлении из России, это уже только одна буква. 23 октября 1813 года, после поражения при Лейпциге, это уже не буква, а что-то вроде петушиного хвоста, сопровождаемого кляксами. В апреле 1814 года император подписывает в Фонтенбло акт об отречении от престола подписью, похожей на засохший стебель растения. И, наконец, в заточении на острове Св. Елены его подпись уменьшается и слабеет. Она написана небрежной и равнодушной рукой уставшего человека.

В. ВЛАДИМИРОВ

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Областной центр на Украине. 8. Певец. 9. Знатная трактористка. 10. Способ записи особыми знаками. 11. Марка фотоаппарата. 12. Герой гражданской войны. 14. Сборник стихов Т. Г. Шевченко. 19. Человек, занимающийся физкультурой. 21. Возрождение. 23. Хоровая капелла УССР. 24. Персонаж оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 26. Достаток, богатство. 28. Изобретатель гидравлического способа добывания торфа. 31. Курорт в Крыму. 33. Сатирический журнал. 34. Река, впадающая в Черное море. 36. Советский драматург.

По вертикали:

1. Цветное непрозрачное стекло. 2. Автор памятника Богдану Хмельницкому. 4. Основоположник национальной украинской музыкальной школы. 5. Созвездие южного неба. 6. Советский электротехник, академик. 7. Ловкость, умение. 11. Общепризнанный деятель литературы, искусства. 13. Роман П. Павленко. 15. Музыкальный инструмент. 16. Южное плодовое дерево. 17. Время года. 18. Плод злаковых культур. 20. Горная порода, содержащая металл. 22. Женская одежда в Индии. 25. Атмосферные осадки. 27. Трос, канат на корабле. 29. Участник соревнования, идущий впереди. 30. Узкий обод. 32. Надстройка на палубе судна. 33. Весы для зерна. 35. Пресноводная рыба.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

3. «Хорошо!». 5. Уговор. 7. Ленинград. 8. Заря. 10. Духи. 11. Ондатра. 12. Селен. 13. Напев. 15. «Слава». 18. «Фронт». 19. Гохуа. 20. «Октябрь». 24. Катамаран. 26. Афиша. 27. Арсен. 28. Макет. 30. Сеялка. 31. Ананас. 32. «Бурелом».

По вертикали:

1. Донбасс. 2. Шолохов. 4. Оберон. 5. Ураган. 6. Ангара. 9. Яблоня. 10. Диплом. 14. Африка. 15. Секста. 16. «Аврора». 17. Шахлин. 21. Ярмарка. 22. Клинкер. 23. Ойстрах. 24. Канал. 25. Нанка. 28. Машук. 29. Тагор.

На первой странице обложки: солистка молодежного ансамбля «Полесье» Майя Сидорчук, продавщица магазина в Новоград-Волынске.
На последней странице обложки: изделия украинских мастеров народного искусства.

Цветные фотографии на обложке и вкладках Н. Козловского.

— Зато вы так техничны, так техничны.

Рисунок В. Воеводина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10702. Подписано к печати 9/XI 1960 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 720 000. Изд. № 1838. Заказ № 3082.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЗАГОВАРИВАЕТ ЗУБЫ:
— Возраст? Профессия? Образование? Семейное положение? Домашний адрес? Пол?

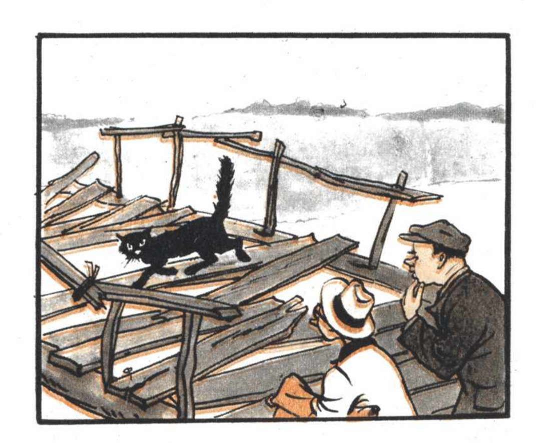
Рисунок В. Григорьева.

— Вы забыли подписать акт о приемке!

Рисунок А. Арутюнянца.

— Отключай воду! Сосед уже намылился!

Рисунок А. Арутюнянца.



— Я же говорил, что кошка к несчастью!

Рисунок А. Арутюнянца.

Такса — мотор.

Рисунок И. Александровича.

— Если и в этом году не будет меда, шкуру спущу!

Рисунок В. Григорьева.

— Так кто начал первым?

Рисунок Бе-Ша.

Овощи — фрукты.

Рисунок И. Александровича.

Цена номера 3 руб.